

Доклад подготовлен
к Мировому политическому Форуму 2011 года

«Современное государство
в эпоху социального многообразия»

Демократические институты в полиэтнических обществах

Валерий Александрович
Тишков

Содержание

Введение	5
1. О новом понимании культурного разнообразия	9
2. Этнические и национальные сообщества	13
3. Языковое разнообразие и языковая политика	19
4. Федеральная власть и законодательный ресурс этнокультурного развития	25
5. Местное самоуправление в полиэтническом обществе	31
6. Мигрантофобия и неорасизм в условиях демократии	35

Введение

Понятие *культурной сложности* широко используется в современной общественно-политической практике. Эта категория меняла свое содержание, и сегодня само явление обозначается по-разному: *культурное разнообразие, многонациональность, мультикультурализм, полиэтничность, мозаика культур* и т.д. За этими обозначениями скрываются не просто разные научные взгляды и предпочтения политиков. На этом поле идут жесткие дебаты, распространены упрощенные лозунги-суждения, именно здесь действуют разного рода экстремисты и процветают группы ненависти. Только у последних в арсенале другие обозначения для феномена культурных различий: *несовместимость культур, конфликт цивилизаций, генетический код, этнический баланс, культурные дистанции* и т.д.

Для ученых, как и для политиков, эта тема далеко не нова, ибо с момента образования современных (национальных) государств существует коллизия между доктриной и политикой формирования наций на основе населения, которое находится под юрисдикцией суверенного государства, и существующими групповыми отличиями на основе культуры, религии, исторической и региональной специфики. В этом контексте представляется абсолютно логичным, что проблема демократических институтов в полиэтничных обществах стала центральной для одной из секций Мирового политического форума 2011 года – площадки, которая становится глобально значимой для экспертно-политического обсуждения трендов политического развития мира.

Культурной основой формирования политических (гражданских) наций чаще всего служат культура и язык доминирующего большинства, но это всегда условность, ибо любое государство и заключенное в его границах общество всегда имели сложный этнический состав. В России так было со времени Новгородской республики, которая представляла собой своего рода конфедерацию славянских, финно-угорских и скандинавских племенных групп. Основой централизованного российского государства могло стать одно из русских княжеств, и совсем не обязательно – Московское, но по ряду причин именно Москва стала центром большой страны, а московский вариант русского языка стал основой литературной нормы. Похожее произошло при формировании французского государства и французской нации: «заслуживший мессы» Париж и вариант языка провинции Иль-де-Франс стали политической и культурной основой страны и ее нации. При формировании наций на переселенческой основе ядро составляли исторически более ранние и политически более сильные (обычно связанные с метрополией) группы населения (белые англофоны в Австралии и Канаде, англосаксы протестантского вероисповедания – в США и т.д.).

С самого начала существования национальных государств культурная, а тем более – социальная однородность наций была своего рода идеей и политической доктриной. Эта доктрина воплощалась в политику ассимиляции и культурной переплавки неоднородного населения в некий желаемый «национальный тип». Со времен Французской революции и до Второй мировой войны ассимиляционные и интеграционистские модели вместе с принципами гражданского равноправия доминировали в нациестроительстве. Но демократия и равноправие даже в зоне евроатлантической цивилизации распространялись далеко не на всех. Дискриминация и сегрегация так называемого цветного и аборигенного населения существовали длительное время в странах Западного полушария. В других регионах мира господствовал колониализм через систему так называемого косвенного управления. О признании культурного разнообразия и прав меньшинств, а тем более о нациях в колониальной периферии вообще не было речи. Права меньшинств как

категория права и политики появились только в эпоху Первой мировой войны и Лиги Наций в целях государственного обустройства пространства распавшихся Австро-Венгерской и Османской империй.

Во второй половине XX в., в условиях ликвидации мировой колониальной системы, образования десятков новых государств, массовых миграций, глобализации и демократизации, сложились новые доктрины самоопределения, нациестроительства, гражданства, индивидуальных и коллективных прав. Они включали целый набор национальных и международных механизмов по борьбе против расовой и других форм дискриминации, защите прав лиц, принадлежащих к этническим, расовым, религиозным и языковым меньшинствам. В науке и политической практике появились доктрины единства в многообразии, многокультурности, права на различия и идентичность и т.д. В СССР и зоне его влияния при разных политико-идеологических режимах реализовывалась схожая политика «расцвета и сближения социалистических наций», интернационализма и дружбы народов. В 1970-е годы она дополнилась концептом единого советского народа – общности, которая была реальностью как форма идентичности на основе общей истории, культуры и идеологической индоктринации жителей страны.

В конце 1970-х и в 1980-е годы в странах западной демократии утвердилась политика *мультикультурализма* в разных ее вариантах – от Канады и Австралии до Франции и Германии. Общим для всех вариантов было признание неоднородности современных гражданских наций, признание и поддержка культурных различий, включая не только так называемые исторические меньшинства, но и разные по культуре и религии группы иммигрантов, ставших во многих случаях гражданами стран нового пребывания. Все более популярной становится концепт коллективных прав и так называемой *консенсиальной демократии* (демократии согласия), который отходил от формального личностного равноправия в пользу членов групп меньшинства с принижением положением из-за дискриминации и других прошлых и настоящих несправедливостей.

Эта политика дала позитивные результаты, но она заключала в себе риск ужесточения межгрупповых границ и возможность «дискриминации наоборот», то есть ущемления прав большинства и его ответной реакции в форме ксенофобии и шовинизма. О противоречивом характере мультикультурализма и необходимости его дополнения политикой формирования общегражданской идентичности мы писали по итогам международной конференции на тему мультикультурализма в Москве в 1999 году¹. Схожий анализ и оценки концепции мультикультурализма были сделаны западными учеными, в том числе философом и политологом турецкого происхождения Сейлой Бенхабиб. В своей переведенной на русский язык книге она писала о проблеме усиления влияния культурного фактора на политические процессы под воздействием массовой международной миграции и глобализации в целом. Опираясь на рассмотрение существующих в разных странах форм взаимодействия традиций и норм, обычаев и права, С. Бенхабиб попыталась дать ответ, в какой мере и каким образом возможно совместить притязания культур на сохранение своей самобытности с основополагающими либеральными ценностями западной демократии – свободой и равенством граждан².

Что касается Российской Федерации, то и после распада СССР заложенный в Конституции 1993 года концепт «многонационального народа», принципы равенства представителей российских национальностей и поддержки их культур были в центре строительства нового демократического государства. Политика поддержки *многонациональности* (или полиэтничности) проводилась в России, несмотря на то, что периферийный этнический национализм поставил страну под угрозу нового раунда

¹ Тишков В.А. Теория и практика многокультурности / Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. Под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. – М., 2002.

² Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / Пер. с англ.; под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2003.

дезинтеграции. В 1990-е годы он проявился в «параде суверенитетов» российских автономий и вооруженном сепаратистском конфликте в Чечне.

В середине 1990-х годов в России и в мире была позитивно воспринята программа ЮНЕСКО «Культура мира», которую инициировал тогдашний гендиректор Федерико Майор. Эта же организация объявила 1995 год Годом толерантности, и в России на эту тему стали проходить конференции и школьные уроки, учреждаться вузовские кафедры, писаться научные труды и учебные пособия. В начале 2000-х годов Министерство образования и науки РФ исполняло Федеральную целевую программу «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе». В рамках программы исследовательскими группами из институтов РАН и РАО были подготовлены научные разработки, значимость которых сохраняется³. После закрытия этой программы аналогичные программы сохранялись в правительстве Москвы, а также в ряде российских регионов. В частности, по московским программам помимо проактивных мероприятий было издано несколько книг с практическими рекомендациями, в том числе и по актуальным проблемам молодежных субкультур и экстремизма в мегаполисах⁴. На уровне федеральных округов более или менее последовательную работу проводил Приволжский федеральный округ, включая независимый мониторинг этноконфессиональных отношений в 15 субъектах округа.

Все эти усилия не пропали даром. Они способствовали более эффективной государственной этнополитике и обеспечению гражданского согласия в округе. По крайней мере, полиэтническое Поволжье ушло от радикализма первой половины 1990-х годов и выбрало путь толерантной многокультурной политики, даже если она так и не называлась публично. О сохраняющихся проблемах речь пойдет ниже, но *нужно уметь отдавать должное сделанному и не позволять неопитам-политикам или каждой новой команде «эффективных менеджеров» начинать все с нуля.*

Заслуживает позитивной оценки опыт работы Общественной палаты Российской Федерации, созданной в 2006 году, где в первом составе действовала Комиссия по вопросам толерантности и свободы совести (затем переименована в Комиссию по проблемам межнациональных отношений). Первое тематическое пленарное заседание Общественной палаты 14 апреля 2006 года было посвящено проблеме противодействия экстремизму и ксенофобии и утверждения гражданского согласия в российском обществе. Затем на эту же тему были проведены общественные слушания и еще одно из пленарных заседаний. Рекомендации пленарных заседаний и материалы слушаний⁵ используются общественными организациями страны, научными работниками и преподавателями.

В последние годы российскими учеными были выполнены многочисленные социологические, этнологические, психологические, культурологические и другие исследования по проблемам межэтнических отношений, миграции, толерантности и ксенофобии. К сожалению, уровень отечественного общественно-научного знания в данной области оставляет желать лучшего, ибо в своей массе трактовка проблем основывается на отсталых представлениях об этническом и национальном, на упрощенных взглядах на основы

³ Толерантность и культурная традиция / Отв. ред. М.Ю. Мартынова. – М.: Изд-во РУДН, 2002; Идентичность и толерантность / Отв. ред. Н.М. Лебедева. – М.: Изд-во РУДН, 2002; *Мартынова М.Ю.* Мир традиций и межкультурного общения: В помощь школьному учителю. – М.: Изд-во РУДН, 2004; Межкультурный диалог. Лекции по проблемам межэтнического и межконфессионального взаимодействия / Под ред. М.Ю. Мартыновой, В.А. Тишкова, Н.М. Лебедевой. – М.: Изд-во РУДН, 2003; *Лебедева Н.М., Лунева О.В., Стефаненко Т.Г., Мартынова М.Ю.* Межкультурный диалог. Тренинг этнокультурной компетентности. – М.: Изд-во РУДН, 2003; *Мартынова М.Ю., Лопуленко Н.А.* В мире жить – с миром жить. Дружба и взаимопонимание в фольклоре народов России. Пособие для учителей. – М.: Изд-во РУДН, 2002.

⁴ Молодежь Москвы: адаптация к многокультурности / Под ред. М.Ю. Мартыновой и Н.М. Лебедевой. – М.: РУДН, 2007; Молодые москвичи. Кросскультурное исследование / Под ред. М.Ю. Мартыновой, Н.М. Лебедевой. – М.: РУДН, 2008; *Остапенко Л.В., Субботина И.А.* Москва многонациональная. Старожилы и мигранты: вместе или рядом? – М.: РУДН; Молодежные субкультуры Москвы / Сост. Д.В. Громов, отв. ред. М.Ю. Мартынова. – М.: ИЭА РАН, 2009.

⁵ См.: О толерантности и противодействии экстремизму в российском обществе (рекомендации Общественной палаты Российской Федерации). – М.: 2006; Единство и многообразие России. Материалы Комиссии Общественной палаты Российской Федерации по вопросам толерантности и свободы совести / Под ред. В.А. Тишкова. – М.: 2007; За гражданское согласие – против нетерпимости и экстремизма (по материалам форума 22 апреля 2009 года) / Под ред. Н.К. Сванидзе и В.А. Тишкова. – М.: 2009.

государственного строительства и государственной политики в полиэтнических обществах. Реанимированные из прошлых эпох биологизаторские и этнонационалистические подходы дополнились идеологией и практикой нового расизма, который основан на неприятии культурных различий⁶.

Эта тенденция свойственна и для части западного научного сообщества, не говоря уже о политиках крайне правого и ультранационалистического толка. Именно здесь начался неоконсервативный поворот, который избрал предметом своей критики прежде всего либеральную концепцию многокультурности и политику признания культурного разнообразия и культурной свободы. *Это была своего рода реакция не только на издержки либеральной экономической модели, но и на неспособность западных демократических обществ найти адекватный ответ на социально-культурные последствия массовой иммиграции в свои страны в период послевоенного развития.* Особо острую реакцию принимающих обществ вызвала проблема трудной интеграции мигрантских групп мусульманского вероисповедания. Появилась когорта публицистов и политических активистов, которые стали не только проповедовать ультраправые, ксенофобские взгляды, но и пытаться возродить идеи насильственной ассимиляции или депортации «чужаков», а также формулировать новую форму расизма, который получил название *культурного расизма*. Своего рода похоронами мультикультурализма стали публичные заявления известных национальных лидеров (А.Меркель, Н.Саркози, Д.Камерон).

К сожалению, в России труды представителей консервативной и расовой мысли типа американцев С. Хантингтона и П. Бьюкенена переводятся и издаются быстрее, чем работы действительно авторитетных авторов. Проповедники цивилизационных подходов с их химерами «архетипов», «ментальностей», «генофондов», культурной несовместимости и непреодолимых конфликтов оказали сильное воздействие на российскую общественную мысль и отрицательно повлияли на настроения и взгляды многих россиян. Совместный разговор ведущих экспертов по всем этим проблемам давно назрел. Ибо, *несмотря на разочарование политикой мультикультурализма и толерантности, реальная политическая практика и большинство интеллектуальной элиты в странах либеральной демократии признают необратимость происшедших перемен под воздействием массовой иммиграции, включая выходцев из стран мусульманского культурного ареала. Речь идет о том, как улучшить управление в современных государствах, а не как переиграть прошлое или похоронить демократию.*

С интервалом в десять лет, сначала в Московском центре Карнеги в 1999 году, а затем в Институте философии РАН в 2009 году, прошли две международные конференции, на которых видные европейские и российские ученые обсудили проблемы мультикультурализма в трансформирующихся обществах и современные тенденции в общественной практике и научных изысканиях⁷. Как отмечает один из организаторов этих конференций, российский философ В.С. Малахов, «сегодня актуален не вопрос о том, допустимо или недопустимо проявление культурных различий в публичной сфере, а вопрос о том, как организовать демократическое общежитие в условиях плюрализации социального пространства»⁸. Ежегодный доклад ООН о человеческом развитии за 2004 год также избрал центральной темой проблему культурной свободы в современном мире. Его авторы во главе с нобелевским лауреатом Амартией Сенем взяли под защиту принципы культурного разнообразия и толерантности как условия успешного развития национальных государств и мира в целом⁹.

⁶ Об этом см.: Шнирельман В.А. Порог толерантности: Идеология и практика нового расизма. – В 2-х т. – М.: Новое литературное обозрение, 2011.

⁷ Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В.С. Малахова и В.А. Тишкова. – М.: 2002; Государство, миграция и культурный плюрализм в современном мире. Материалы международной научной конференции / Под ред. В.С. Малахова, В.А. Тишкова, А.Ф. Яковлевой. – М.: 2011.

⁸ Государство, миграция и культурный плюрализм в современном мире. С. 8.

⁹ Анализ содержания этой части доклада см.: Тишков В.А. Проблемы управления культурным многообразием // Хроника ООН. 2004. №1. С.41.

1. О новом понимании культурного разнообразия

Тема «Демократические институты в полиэтнических обществах» затрагивает проблему мирового значения, ибо для современных государств и для мировой системы в целом всеохватный характер имеют не только проблемы ресурсов и экономики, безопасности окружающей среды, но и проблемы культуры и самосознания (идентичности). Именно *проблемы понимания и управления культурным разнообразием на уровне регионов, государств, местных сообществ и даже отдельной личности оказались сегодня одни из наиболее трудно решаемых*. Получилось это оттого, что в них вовлечены не материальные ресурсы и их денежные аналоги, по которым почти всегда можно договариваться, а в них вовлечены ценностные и мировоззренческие вопросы. В случае конфликтных ситуаций эти вопросы не так легко поддаются разрешению на основе количественных расчетов, торга или обмена, а требуют более тонких гуманитарных технологий. Ценностные и мировоззренческие вопросы труднее поддаются и компромиссным решениям. По этой причине *конфликты на основе культурных (этнических, расовых, религиозных, языковых) различий могут обретать исключительно жестокий характер, а посеянная ими ненависть изживается зачастую через поколения*.

Рассматриваемая проблема имеет важнейшие проекции в политику на всех ее уровнях: на геополитическом и континентальном, на национальном государственном, на уровне регионов и мест внутри государств и на трансгосударственном уровне. *Самое важное в политических функциях этничности, культуры в ее широком смысле – это выработка адекватной каждому обществу и каждой конкретной ситуации формулы управления культурным разнообразием, выработка механизмов обеспечения гражданского согласия и предотвращения конфликтов*. Другими словами, какова должна быть государственная политика и позиция общества в данной сфере, чтобы общество и страна не были вовлечены в межгрупповые распри, чтобы они не были поражены отравой ксенофобии и ненависти одних людей по отношению к другим по той причине, что они выглядят иначе, говорят на другом языке, молятся другому Богу? Казалось бы, простой вопрос, но сколько он заключает в себе непримиримых убеждений, трудно преодолимых узости мысли или жестокого расчета!

В центре нашего анализа проблема понимания и управления полиэтническими обществами в контексте современной политической ситуации, когда часто за кризисом понимания следуют преждевременные похороны политики мультикультурализма, а вместе с этим предпринимаются попытки дискредитировать толерантность – важнейшую духовную и моральную ценность, один из ключевых компонентов зрелой и эффективной государственной политики и общественных установок. Проблема толерантности и ксенофобии не является новой. Однако само человеческое бытие существенно и быстро меняется, вместе с ним меняются научные подходы и политические приоритеты. Заметим, *традиционный взгляд понимает под культурной сложностью наличие в обществе составляющих его культурных единиц, самостоятельных и целостных в своей самости и обладающих схожими структурами-свойствами, но которые отличаются своим содержательным проявлением*. Например, если следовать постулатам так называемой советской теории этноса или конструкциям российского историка Л.Н. Гумилева, то у всех этнических единиц (народов, этносов, национальностей) должны быть свои этногенез, этническая территория, расовый тип, язык, «национальный характер». Ожидаемой нормой

является их отличительность, а не схожесть друг с другом. Многие исследования этнологов, социологов или этнопсихологов не только предполагают наличие таких субъектов, но и якобы выявляют «этнические коды», «культурные дистанции», «цивилизационную (не)совместимость» и прочие интригующие неофитов и политиков конструкции.

Откуда и по какой причине в российской общественной и научной мысли расцвела одержимость культурным партикуляризмом и вместе с этим утвердилось игнорирование реально существующей культурной схожести? Общность россиян проявляется не только в русском языке общения и в мировоззрениях, но и в морально-ценностных и поведенческих установках, которые быстро узнают внешние наблюдатели, но которые не хотят признавать внутренние эксперты. Неужели, например, у представителей мифического «финно-угорского мира», то есть у карелов, хантов, эстонцев и венгров, или у носителей выдуманной «тюркско-татарской цивилизации», то есть у российских татар, якутов, алтайцев и турок-османов, есть некие общие культурные коды, а вместе с русскими, мордвой и чувашами у них общих «культурных кодов» нет?

По мнению некоторых политологов, именно по причине этнического разнообразия и цивилизационных различий в России нет и общей нации. Отрицатели российской идентичности ссылаются также на то, что в России нет гражданского общества и демократических институтов, а значит, и нет гражданской нации¹⁰. Как и в некоторых других европейских странах, в нашей стране доктрине полиэтничности (многонациональности) и российскому проекту нациестроительства противостоят как леволиберальный тезис о гражданских равенстве и свободах, так и правоконсервативный взгляд на преимущественное право большинства без особого внимания к малым группам и культурам («если хотят жить в России, тогда пусть все считают себя русскими»). Как можно демонтировать эти несостоятельные взгляды и как выстроить новое видение полиэтничных обществ, а вслед за этим обновить политику и систему управления?

Сначала нужно разобраться с *пониманием этнического и национального*. На протяжении долгого времени в российском обществознании описание этнических групп заключалось в том, чтобы установить сами по себе эти единицы (своего рода номенклатуру народов-этносов), найти и описать их структурные элементы, вычертить эволюционное древо и этническую карту по языковым семьям и даже по расовой типологии. Этот подход в изучении человеческого общества исходит из того, что как сам человек, так и исторические явления и культурная традиция имеют начальное место и этапы развития. Человеческие культуры проходят через явление *культурогенеза* во всем его разнообразии в зависимости от среды, социально-исторических факторов и коллективных человеческих стратегий. Относительно этнических сообществ начало восходящей эволюционной линии закладывается *этнологенезом*, который предполагает рождение этноса (у Л.Н. Гумилева – от некоего внешнего толчка). Уже после «рождения» складывается своего рода этническая картина мира и этническая иерархия (этноты, суперэтноты и т.п.), а среди этносов происходят *этнические процессы*.

Следует отметить, что еще до нынешних теоретиков этноса в российском обществознании существовали похожие, хотя и без биологизаторского расизма, взгляды на этнообразование и этнические процессы как на реально-социологические операции слияния, разделения, нового формообразования из старых форм или из их отдельных частей. Для них устанавливаются хронологическое время, исторические даты отсчета, созревания и самого свершившегося факта. В рамках такой методологии определяются «объективные признаки нации» и даже исторический момент, когда нации появляются на свет. Все это ведет к *культурному расизму* в науке и политике, когда люди одной этнической принадлежности воспринимаются как биологические или биосоциальные

¹⁰ См. анализ критиков российского проекта: *Тишков В.А.* Российский народ. Книга для учителя. – М.: Просвещение, 2010.

целостности, пребывающие в некомплементарном и даже в несовместимом состоянии по отношению друг к другу. Не говоря уже о том, что по этой теории есть этносы молодые, есть старые, есть этносы пассионарные, а есть этносы-паразиты, которые разлагают изнутри тело другого этноса.

В постсоветское время в России ко всем этим построениям добавились межгрупповые границы, связанные с миграцией и переселенцами из стран бывшего СССР. Так появились «коренные» и «понаехавшие», «черные» и «азиаты», «лица кавказской национальности» и т.п. Все это расиализированные категории, то есть им придается не только культурно-этнический, но и расовый смысл.

Рассмотрим основные сферы существования культурного разнообразия в современных государствах, в том числе в Российской Федерации, а также какие проблемы возникают в этой связи у современных государств и как они их решают с разной долей успеха.

2. Этнические и национальные сообщества

Итак, неотъемлемой чертой современных человеческих сообществ и даже условием их развития является феномен культурной сложности. Эта сложность постоянно воспроизводится под воздействием разных факторов, вызывая проблемы межкультурных коммуникаций, межэтнических отношений, этнических конфликтов. И все же *культурная гомогенность означала бы социальную энтропию, то есть культурную смерть человечества. Именно поэтому мы изучаем разные культуры, культурные различия и взаимодействия. Не для того, чтобы уничтожить, а для того, чтобы сохранить культурное разнообразие.*

Тогда в чем же уязвимость традиционных подходов в данном вопросе? В том, что мы склонны рассматривать культурные системы как своего рода коллективные тела или как карту-атлас, которая при всей ее наполненности и украшенности этнографическими типажамми есть только условное и статичное отражение неповторимого богатства рельефа. Внешне, казалось бы, приближенный к реальности *примордиалистский* подход, построенный на обращении к норме (часто эту норму называют *традицией*) и на «реальности этноса», не улавливает и не отражает явление культурной мозаики. Он не объясняет конкретные ситуации, пренебрегая полевым материалом и жизненными примерами¹¹.

Взгляд на культуру как на архетип, а на этническую идентичность – как на биосоциальный организм отрицает движение и развитие культурных форм, игнорирует роль проектной деятельности людей, политических предписаний и управленческих процедур. Например, содержание слов «русский» и «татарин» так менялось в разные эпохи, что все историко-демографические таблицы и карты мало что могут дать, если не учтен сам фактор смысловых перемен. Античная и средневековая мозаика названий племен и народов, почти полная смена их номенклатуры в новое и новейшее время, перемещение названий (этнонимов) в пространстве далеко не всегда обозначают «вымирание этносов» или «великое переселение народов». На самом же деле путешествуют ментальные карты, воображение и наблюдения путешественников, а сама этнографическая реальность может оставаться той же самой.

И наоборот: заключенный в понятие культурной единицы материал частично или радикально меняется, а понятие продолжает существовать. В дореволюционной России русским считались все три восточнославянских народа и даже все принявшие православие. Суть понятия «русский» существенно изменилась, когда в инструкции переписчикам по рекомендации этнографов была вписана подсказка (в переписи населения 1926 года): «Если назовет себя русским, тогда уточните, кто он (она) – великоросс, малоросс или белорус». Отныне только первых стали записывать русскими, а русские малороссы стали украинцами, русские белорусы стали просто белорусами.

Культурный поток можно организовать по-разному и даже повернуть вспять, если для этого есть достаточные аргументы и ресурсы. Так, до эпохи социалистического национализма в России татарами называли все тюркские народы, включая азербайджанцев. Затем казанские татары (*казанлы*) забрали в свою исключительную собственность самоназвание *татары*, хотя в стране сохранялись сильно от них отличающиеся сибирские татары и крымские татары, не говоря уже о кряшенах. С 1980-х годов среди части татар возникло движение с целью перейти к новому-старому самоназванию «булгары». До сих пор пока удалось только переименовать теплоход

¹¹ См.: Филиппов В.Р. Советская теория этноса. Историографический очерк. – М.: Ин-т Африки РАН, 2010.

«Украина» в «Булгарию» (с трагическим исходом), но не саму нацию татар. В конце 1980-х и начале 1990-х годов в России были сторонники восстановления старой категории «великоросс», но этническое понимание русскости не уступило свои позиции. Зато произошло много других акций-новаций и ретроакций (*сахы* вместо *якутов*, *саамы* вместо *лопарей* и т.д.). Возникло много новых или возрожденных групповых идентичностей. В России количество национальностей выросло за двадцать лет с 128 (1989 г.) до 182 (2002 г.), и в переписи населения 2010 года еще добавится около десятка. Почти удвоился список коренных малочисленных народов, имеющих некоторые групповые права.

Мы не знаем, в какую сторону движется мир с точки зрения эволюции культурных форм и систем: в сторону унификации или в сторону воспроизводства и усложнения разнообразия, но мы знаем точно, что сама эта сложность стала другой. Появились новые тенденции и каналы культурного усложнения, новые технические и информационные ресурсы разрушения культурной нормы или монокультуры без обязательной маргинализации ее носителей, появились феномен и концепты культурной гибридности или *меланжа*. Процесс этот имеет глобальный и, скорее всего, необратимый характер. Те страны и регионы, которые найдут адекватные политические ответы, – выигрывают, те, кто будет пятиться назад, – проигрывают.

А если это так, тогда по-другому нужно смотреть и на социально-культурную природу современных наций – самых всеохватных и мощных социальных группировок людей. Речь идет о сообществах, заключенных в рамках государств, которые обычно называют народами или нациями (китайцы, индийцы, россияне, бразильцы, канадцы и т.д.). Попытки разделить страны на «национальные государства» и «многонациональные» только затуманивают проблему, ибо в международном праве и в серьезной академической науке такие категории просто не существуют. Именно сообщества по государству (полиэтнические согражданства), а не этнические группы и религиозные общины являются в современную эпоху основными производителями культурного капитала. Именно они поддерживают, сохраняют и защищают от внутренних и внешних угроз этнокультурное разнообразие внутри страны и даже за ее пределами, когда речь идет о так называемых соотечественниках или о «разделенных народах».

Созданные национальными сообществами экономические базы, образовательно-информационные институты, охранное законодательство, ведомства и общественные организации, высокая (профессиональная) культура и многое другое являются ключевыми факторами сохранения (или разрушения) этнических, языковых, религиозных и других культурно отличительных систем в рамках национальных сообществ. В последние десятилетия к защитным факторам добавились международные механизмы, но они также создаются представителями наций-государств и существуют на их денежные взносы.

Что собою представляют современные нации? В отечественном общественном сознании по этому вопросу существуют методологическая путаница и политизированные дискуссии. В России, в отличие от большинства стран, долгое время существовало и сохраняется понимание нации исключительно в этническом смысле. Предложенное пятнадцать лет назад понимание и употребление этой категории в двойном (гражданско-политическом и этнокультурном) и не взаимно исключающем смысле¹² только в самые последние годы стало в России признанным. Наиболее определенно в пользу российской гражданской нации выступили президент Российской Федерации Д.А. Медведев, а до него президент В.В. Путин. В 2007 году был создан Общероссийский союз общественных объединений «Российская нация», а с 2008 года издается журнал «Вестник российской нации», в котором публикуются научные и практические материалы из отечественного и мирового опыта гражданского нациестроительства. И все же это признание имеет зачастую вымученную форму, граничащую с интеллектуальной шизофренией. Идеологическая труха и конфликтогенные рецепты (например, учредить экстерриториальные «национальные советы» для всех этнонаций, включая русскую, вместо действующей

¹² Тишков В.А. Что есть Россия? (Перспективы нациестроительства) // Вопросы философии. 1995. №2.

по Конституции федерации с этнотерриториальным компонентом¹³) предлагаются с завидной настойчивостью, особенно в теледебатах и в Интернете.

В России как бы все стороны «национального бытия» и национального дискурса существуют: от экономики и здоровья/нездоровья нации вплоть до национальных проектов и национальных спортивных команд, а самой нации как бы нет, и выговорить ее название многим довольно трудно. Одна из причин столь трудного признания кроется в неверном понимании и восприятии гражданских наций, как их понимали еще якобинцы или американские отцы-основатели. По их мнению, идеальная нация должна состоять из свободных и равноправных граждан, говорящих на одном языке, солидарных и лояльных по отношению к создаваемому ими государству. Но якобинский идеал никогда не был реализован даже в самой Франции, а американская национальная идея претерпела метаморфозы, мало увязанные с расовыми и этническими реалиями. Как видим, трудное признание современных концептов «что есть нация?» наблюдается и в других странах. Например, в Канаде рождавшийся в 1970–1980-е годы концепт «первых наций» (first nations) применительно к аборигенным народам зазвучал на весь мир только во время зимних Олимпийских игр в Ванкувере, когда «вожди первых наций» участвовали в торжественных церемониях открытия и закрытия Олимпиады вплоть до права участвовать в зажжении олимпийского огня. Тридцать лет назад премьер-министр П. Трюдо и многие канадские интеллектуалы настороженно отнеслись к переименованию «Братства индейцев Канады» в «Ассамблею первых наций». Трюдо тогда с трудом убеждал соотечественников, прежде всего квебекских франкофонов, что «мы все – одна нация канадцев». Прошло три десятилетия интеллектуальных и политических усилий канадской элиты, и при закрытии Олимпиады в Ванкувере председатель местного оргкомитета сказал: «Эти игры еще больше укрепили единство канадской нации!» Есть надежда, что подобные слова будут сказаны и по итогам Олимпийских игр в Сочи.

А вот пример годичной давности. Во время мирового чемпионата по футболу в ЮАР, в его начальной стадии, в СМИ среди нефутбольных новостей прошло сообщение о массовой демонстрации в Барселоне против решения Верховного суда в Мадриде признать неконституционным обозначение в Конституции (Статуте) провинции населения Каталонии как «каталонской нации». Это право было признано только за всем испанским народом, который включает не только катильцев, но и басков, галисийцев, каталонцев и других граждан страны. Каталонские националисты, с которыми я встречался за месяц до этого в Барселоне, ждали решения суда почти два года, и оно оказалось не в их пользу. Мадрид признает только языковое разнообразие (резкое отличие от Франции, где французский язык есть один и для всех!), но отрицает этническое деление испанской нации на еще какие-то нации (здесь как во Франции!).

Однако важное отличие Испании от России в том, что каталонцы не считают себя этнической общностью, а считают себя самоуправляемым регионом-нацией. Каталонцы – это все жители Каталонии, а не только те, кто имеет каталонское происхождение и говорит на каталанском языке. Ситуацию острого конфликта счастливо разрешил финал чемпионата в ЮАР. Вся Испания праздновала победу в финале национальной (!) сборной команды, в составе которой было много футболистов из Барселоны и даже был игрок из Страны Басков. Так что *во многих странах ведутся споры по поводу того, кого называть нацией, но самый распространенный случай – это отказ со стороны государства в лице центральной власти признавать этнические или региональные сообщества в качестве наций*. В Китае, например, все официально признанные 55 национальностей, включая ханьцев и национальные меньшинства, не считаются нациями, а нацией (*джонхуа миндзу*) считаются все китайцы – граждане страны. Подобные запреты, однако, не мешают использовать самоназвание *нации* уйгурским, бенгальским, гавайским, квебекским, шотландским и другим этническим активистам и политикам. Поэтому случай отрицания и даже судебного запрета не является универсальным, а для России он не подходит вообще,

¹³ Попов Г.Х. Обойдемся без «священной коровы» // Московский комсомолец. 10.06.2011. С. 6.

ибо в нашей стране в ментальном и языковом смысле этнические общности (народы или национальности) давно «национализированы». Узурпировать эту самокатегоризацию исключительно в пользу общероссийского употребления бессмысленно.

Однако вернемся к Франции. Начиная с якобинских гонений против меньшинств и региональных языков, французы как более или менее общая, хотя и рыхлая, идентичность появились только спустя сто лет после Французской революции. Французская нация существовала и продолжает существовать прежде всего как доктрина, как правовая норма и как коллективная договоренность. Считается, что никаких этносов во Франции нет и все граждане есть один народ – французы при большом историко-культурном разнообразии территорий и мест, которые порождают свои собственные идентичности. Именно эту истину пытался разъяснить генсек Французской компартии Жорж Марше генсеку КПСС Л.И. Брежневу в своей жалобе на Институт этнографии АН СССР, выпустивший в начале 1980-х годов этнодемографический справочник о странах мира. В нем, помимо французского народа-этноса, были указаны корсиканцы, бретонцы и эльзасцы как самостоятельные народы-этноты, а также «переходные группы» в лице мигрантов из разных стран и разных поколений.

Тогда мне как новичку этнографического цеха казалось, что был прав автор справочника С.И. Брук. Сейчас мне кажется, что прав был Ж. Марше. Иначе, по Бруку, получалось, что корсиканец Бонапарт не был французом, а уж нынешний лидер нации Саркози тем более не принадлежит к ней! Если следовать Бруку, то мы отлучим от принадлежности к нациям еще целую когорту национальных лидеров: шотландца Гордона Брауна, индейцев Чавеса и Моралеса, афроамериканца Барака Обаму (по старой отечественной категоризации негры США – это этнорасовая общность, не входящая в собственно американский этнос-нацию¹⁴).

Но тогда что есть французы как нация? *Это историческая, культурная и социально-политическая общность в рамках государственного образования, обладающая культурной сложностью, которая сжималась в годы политической централизации и общегражданских потрясений и обретала актуализированное старое и вновь обретенное разнообразие в эпоху демократизации, деколонизации и массовых миграций.* Во Франции актуализированное старое – это совсем не обязательно партикулярно-этническое (корсиканское или бретонское), хотя есть и это. Франция продолжает делиться по культурно-территориальному принципу, по местоположению или по малой родине (французский «терруар» на месте этничности¹⁵). Это разнообразие, или культурная гетерогенность, французов в свое время сводила с ума Шарля де Голля, который в сердцах сказал: «Что это за нация, если в ней 450 сортов сыра!»

С того времени ситуация еще больше усложнилась. Сегодня 65-миллионную французскую нацию составляют не только «собственно французы», то есть граждане, имеющие давнее французское происхождение, но и 13 млн граждан иного происхождения: 5 млн имеют европейские корни (итальянские, испанские, португальские, польские, русские и другие), 5 млн – это представители берберо-арабских народов, точнее, выходцы из этих групп, 0,5 млн – турки, 0,5 млн – североафриканские евреи, более 700 тысяч – французы-выходцы из французских колоний. Усложнилась религиозная ситуация во Франции: из 70% французов-католиков только 10% ходят в церковь и еще есть 22% агностиков и атеистов, и все это на фоне растущей численности активно верующих мусульман (5–10% населения).

Мы не обсуждаем перспективы французской нации, но отмечаем сам феномен усложнения этнорелигиозного состава, казалось бы, универсальной гражданской нации. И обращаем внимание на то, что *монокультурность никогда не была реальностью этой страны.* Существовала только доктрина монокультурности, позволявшая не признавать так называемые *этнии*. В реальности антитезой этническим группам были регионально-

¹⁴ Нитобург Э.Л. Негры США. XVII – начало XX в. Историко-этнографический очерк. – М.: Наука, 1979.

¹⁵ Филиппова Е.И. Территории идентичности в современной Франции. – М.: 2010.

местные культурные идентичности на основе разной специфики (от исторических и протогосударственных отсылок до марок вина и сортов сыра). От французской монокультуры остается, пожалуй, только язык, но и французский язык иногда кажется последним бастионом перед натиском иноязычной иммиграции. Этот бастион французскости охраняется специальным конституционным законом 1992 года о защите языкового наследия и серией других государственных декретов. И все же представляется, что Франция более спокойно переживает проблемы хиджабов и погромов в парижских пригородах, чем это делают российские интерпретаторы событий в этой стране.

О США как о примере в российской аудитории говорить сложно, поскольку почти всегда следуют укоры по поводу якобы «подбрасываемых» либералами-западниками американских рецептов, негодных для уникальной России. Однако отметим, что и в США образ нации как интегрированного сплава был прежде всего актом речи и политической программой. Это представление воплощалось первоначально в доктрине плавильного тигля, хотя Америка никогда не была монокультурной, и тем более она никогда не была граждански солидарной. В ней всегда было множество этнических и расовых групп и всегда было многоязычие, не говоря уже о прошлой и сохраняющейся дискриминации аборигенных жителей, афроамериканцев и иммигрантов. Но тогда в чем заключается растущая сложность американской нации, если не получились как переплавка, так и блюдо из разных ингредиентов (концепция салатной чаши также подвергается сегодня сомнению противниками мультикультурализма)?

Отвечаем на вопрос так: формула *единство в многообразии* (E pluribus unum), начертанная на американском гербе и монетах, в этой стране состоялась. Она уже давно составляет основу и условие существования американской нации. Культурная сложность американцев не уменьшается, а увеличивается (последнее полезное приобретение по этой части – переезд в США из Краснодарского края около 10 тысяч турок-месхетинцев). При этом массовая иммиграция происходит на фоне растущего американского национализма в экспансионистской (точнее – в мессионистской) форме и усиления религиозного фундаментализма среди американцев-христиан. *Усложнение американской нации проявляется в сохраняющейся приверженности иммиграции и возрастании доли населения иностранного происхождения.* Такое впечатление, что американцы достигли такой степени этнической, религиозной и языковой мозаичности, что для них утратили смысл какие-либо политические разговоры и научные штудии по поводу «культурного ядра» (core culture), который якобы составляет основу американской нации. Разговоры про WASP (белых англосаксов-протестантов) и про 100-процентных американцев прекратились еще два-три десятилетия назад. Но сейчас нет разговоров и о каком-либо референтном (доминирующем) компоненте нации, а тем более – о ее государствообразующей части. Сегодняшние американцы – это нация меньшинств, нация культурной гибридности, или, как сказала Хиллари Клинтон во время прошлой президентской избирательной кампании, «мы – нация наций» (we are a nation of nations). Все это дополняется еще одним процессом усложнения, а именно – признанием множественной расовой принадлежности в дополнение к признанию множественной этнической идентичности (начиная с переписи населения 1980 года).

Разберем еще один европейский пример, который ближе к российскому опыту и может быть понятнее отечественной аудитории. Напомним этнический и религиозный состав населения Великобритании и динамику ее национального развития как полиэтнического общества. Из 62,3 млн жителей страны собственно англичане составляют 83,6% (примерно как русские в России), шотландцы – 8,6%, уэльсцы – 4,9%, североирландцы – 2,9%. Остальные – это африканцы (2%), индусы (2%), пакистанцы (1,3%) и лица смешанного происхождения. О русских и о бывших советских достоверной статистики нет, хотя численность россиян и русскоязычных жителей возрастает быстрее других категорий (по некоторым данным, только студентов британских университетов и колледжей около 100 тысяч). Христиане разных исповеданий составляют 72%

и мусульмане – 3%. Где здесь этнос и где здесь нация? И как называется эта нация? Или нации в Соединенном Королевстве Англии, Шотландии и Северной Ирландии не существует? Эта нация называется *британской*, а смена английскости на британскость произошла в результате общественных дебатов и деятельности в 1980-е годы специально назначенной Королевской комиссии по вопросу о национальной идентичности. Эту смену в обозначении национальной идентичности ни в коей мере не поколебали последние беспорядки в британских городах.

Современная сложность Великобритании как нации проявляется в нескольких измерениях; огромное этническое и религиозное разнообразие современного городского населения и рост так называемых региональных языков – явление крайне примечательное: шотландским владеют около 30% населения Шотландии, шотландским гэльским – около 60 тысяч в Шотландии, уэльским – около 20% в Уэльсе, ирландским – около 10% в Ольстере, корнуэльским владеют около 3 тысяч человек. Вот такая сегодняшняя Англия с якобы мооязычной английской нацией! Интересно заметить: просвещенный публицист Л. Радзиховский однажды во время моего выступления в редакции «Известий» обронил реплику: «В Англии говорят на английском языке, и нация поэтому называется английской. В России говорят на русском, и нация должна называться русской». Казалось бы, чего проще. Однако в Великобритании этот вариант не проходит, как он не проходит и в России. В нашей стране единственно возможная формула: *Российский народ – это нация на*

3. | Языковое разнообразие и языковая политика

С *языковым разнообразием* в современных государствах схожая ситуация, ибо язык по-прежнему достаточно жестко связывается с этничностью, особенно в отечественной научной и общественно-политической традиции. Достаточно привести в пример того, что российские ученые и практики до сих пор полагают, что у человека должен быть родной язык «своей национальности», и этот язык может быть только один. Оговорка для переписчиков во время переписей населения, что «родной язык может не совпадать с национальностью», в данном случае не спасает ситуацию. В обычном понимании языковая сложность – это существование в мире множества языков и наличие внутри языков многих вариантов. Языковые атласы и даже «красные книги» языков как вымирающих живых видов стали обыденностью гуманитарной науки. Тем более что *язык физически более осязаем через речь и тексты, чем этничность через свое во многих случаях только самосознание. В языке как важнейшем средстве коммуникации заключен интерес самых разных человеческих коалиций и институтов, ибо он обеспечивает их солидарность и функционирование.*

Без единого языка не могут существовать современные армии, и государственные бюрократии предпочитают общаться на одном официальном языке. Более гибко к языковой практике подходят религиозные институты в своей пастырской и миссионерской деятельности. Не случайно одними из пионеров составления этноязыковых атласов в виде известного «Этнолога» были религиозные институты или поддерживаемые христианскими церквями организации типа «Летнего лингвистического института», собирающего данные о языках для переводов Библии и для миссионерской деятельности.

Традиционный взгляд на ситуацию с языками сводится к тому, что в современном мире новых языков не появляется и под воздействием глобализации исчезновение языков идет быстрыми темпами. Некоторые специалисты говорят, что к концу XXI века в мире может остаться всего 400–500 языков вместо 4–5 тысяч, которые были зафиксированы в XX веке. По поводу проблемы «вымирания языков» и составления «красных книг» исчезающих языков существуют многочисленные спекуляции и громкие политические заявления. На уровне ЮНЕСКО и Совета Европы приняты декларации и хартии по вопросам сохранения и защиты языкового разнообразия. Наиболее известный международный документ в этой сфере – принятая кабинетом министров СЕ в 1992 г. в качестве конвенции Европейская хартия региональных языков или языков национальных меньшинств. Российская Федерация в 2001 г. присоединилась к Хартии, но пока не ратифицировала ее.

Казалось бы, из-за глобализации мир все больше становится моноязычным. Такие доминирующие языки, как английский, все больше овладевают мировым языковым пространством. Для этой озабоченности есть определенные причины. Однако мировая языковая ситуация и положение с языками в разных странах имеют более сложный характер. Эта сложность заключается в следующих процессах. Первое – это *размывание и перемешивание языковых ареалов* настолько, что сегодня уже никто не рискнет составлять языковые атласы, как это делалось в XIX веке или как это еще можно было сделать с этничностью и религией в XX веке. Второе – это *повсеместное усложнение языкового репертуара современного человека и распространение многоязычия среди населения многих стран.* Наконец, существует тенденция к *ревитализации языков*, то есть языки

возвращаются в жизнь после десятилетий умирания и (или) забвения. Бретонский язык во Франции, гэльский и корнуэльский в Великобритании, гавайский в США – одни из примеров.

Отталкиваясь прежде всего от опыта собственной страны, мы не разделяем взгляды сторонников концепта «вымирания языков». В России в XX веке не исчез ни один язык, кроме сиренинского диалекта эскимосского языка (из-за ликвидации в 1960-е годы поселка Сиреники на Чукотке). Несмотря на драматические прогнозы некоторых ученых и политиков, *языковое разнообразие будет сохраняться при усложнении языковых ситуаций среди современных наций и при расширении языкового репертуара отдельных людей*. В свою очередь, государственная языковая политика будет развиваться в сторону признания и поддержки многоязычия, в том числе официального, на уровне государства и его отдельных регионов, а также будут усложняться сферы языкового обслуживания. Бюрократия и службы все больше будут говорить на языке налогоплательщиков, а не наоборот. *Многоязычие как личностная установка и как политика наряду с официальным одно- или двуязычием будет все больше нормой языковой коммуникации граждан в рамках национальных сообществ*. Через это, кстати, смогут улучшить свое положение многочисленные русскоговорящие жители Украины, Молдавии, Латвии, Казахстана, Кыргызстана, Эстонии и других стран.

Из этих оценок следует несколько вопросов для науки и для политики. *Во-первых*, как долго в общественной практике, включая российские переписи населения, будет сохраняться изживающее себя единичное понимание «родного языка» и вообще, что означает данная категория-демиург? Это «основной язык знания и общения» (как по Ожегову), или это «первый выученный в детстве язык (так называемый *материнский язык*)», или же что-то другое, например язык своей национальности независимо от владения и использования? Федеральный закон 2001 г. о всероссийских переписях населения обязывает в числе прочего собрать данные о «родном языке», но что это такое и как это сделать – из проведенных в 2002 и 2010 годах переписей так и не стало ясно.

Мы приветствуем подход Европейской языковой хартии, ибо она ставит своей целью защиту именно языков, а не стоящих за ними в обязательном порядке групповых носителей, определяемых обычно по названию языка как самостоятельные народы или нации. Хартия не использует понятие родного языка и не привязывает жестко язык к этнической принадлежности. Например, если вы бурят, то ваш родной язык должен быть обязательно бурятский, если вы татарин, то ваш родной язык татарский, и никакие другие вместо этих или наряду с ними языки родными быть не могут! В реальности ситуация отличается от идеальной: десятки, если не сотни миллионов людей совершают переход с одного языка на другой или овладевают и пользуются в равной степени несколькими языками. Такая ситуация широко распространена в европейских странах, но и в России она не является исключением по причине широкого распространения смешанных браков, совместных поселений и высокого уровня образования среди населения. *Было бы полезно на уровне европейских институтов и структур ООН достичь некоторого консенсуса по вопросу о родном языке*.

Второй вопрос – насколько современное государство и его население ответственны за неизменность языковой карты своей страны и за языковое пространство обучения, культуры и информации? Вообще, чей это вопрос и кто его мониторит, в том числе и на межгосударственном уровне? Нет сомнения, что сами носители и пользователи языка сохраняют и защищают свои языковые системы коммуникации, но в этом вопросе есть некоторые новые диспозиции. Общественные активисты, ученые-лингвисты и этнографы, некоторые международные структуры с предписанной миссией сохранения нематериального культурного разнообразия озабочены тем, чтобы население продолжало говорить так, как оно говорило сто или двести лет назад, и чтобы это разнообразие

сохранялось, как разнообразие видов в живой природе. Недаром появился феномен «красной книги» языков по примеру аналогичной книги по вымирающим природным видам. Есть и те, кто проводит политику языкового национализма, полагая, что суверенное государство вправе требовать от всех граждан обязательного изучения и владения языком, который объявлен государственным или официальным. При этом никакого компромисса по части официального двуязычия или многоязычия не делается. Это приводит к косвенному насилию и к открытой дискриминации, причем в ряде государств бывшего СССР эта языковая дискриминация имеет массовый характер.

В-третьих, существует проблема нивелировки языкового разнообразия в условиях глобализации, включая современные экономики и информационные системы и поведение людей. Но существует также проблема языкового романтизма и языкового национализма, когда вопрос о языке становится средством ограничения прав человека и даже гражданских прав, механизмом политического давления и манипулирования, элементом геополитических соперничеств, включая давление на те или иные страны и общества. *Реальная языковая жизнь и частные стратегии людей в какой-то степени оказались заложниками романтических и политизированных взглядов на то, что есть язык и какова должна быть политика по отношению к языковому вопросу.* В конце XX века языковыми утопиями и политизированными рекомендациями грешили постсоветские государства, а также международные организации, включая ЮНЕСКО и ОБСЕ.

В настоящее время в европейских странах (Великобритании, Германии) действуют частные фонды с программами по вымирающим языкам или по языкам, находящимся под угрозой исчезновения. Есть проекты и поддерживаются научные исследования, которыми занимаются также и российские ученые. Однако в какой мере эта озабоченность и даже политическая миссия отвечает своеобразию каждой страны, ее регионов, а самое главное – интересам и стратегиям самих людей? Если мы признаем принцип культурной свободы, то *должно быть признано и право на языковой переход (или ассимиляцию), а не только на сохранение языка, на котором говорит часть представителей той или иной группы населения (этнической, региональной или мигрантского происхождения).* В этой ситуации языки мировых культурных систем (top world languages), к которым относятся как русский язык, так и английский, испанский и французский языки, всегда будут в предпочтительном положении даже при формальном равноправии всех языков. Объяснение здесь простое: владение и использование этих языков предоставляет больше возможностей для жизненного преуспевания, чем так называемые миноритарные языки. Поэтому требование «языковых паритетов» на межгосударственном уровне (типичная позиция: «у нас столько-то русских школ, и у вас должно быть столько же украинских!») не всегда имеет справедливый и реалистичный характер, если учитывать прежде всего запросы и интересы самих людей.

В этом вопросе есть свои «двойные стандарты», которые необязательно устанавливаются политиками. Например, переход российского эмигранта чувашского или чеченского происхождения на английский или немецкий язык в стране эмиграции (США, Великобритании и Германии или Австрии) считается приемлемой нормой интеграции, а сходный процесс перехода на русский язык в России представителями нерусских национальностей может трактоваться языковыми националистами и внешними мониторами как языковой геноцид или как политика насильственной ассимиляции.

Для Европы, включая страны Балтии и Восточной Европы, а также для России и других стран СНГ вопрос сохранения языкового разнообразия имеет особое значение, включая его политические проекции. В странах Западной Европы значительная часть населения уже обладает знанием двух и более языков, но вопрос языковой политики в регионе ЕС далеко не решен. Об этом свидетельствует затянувшийся процесс ратификации Европейской хартии региональных языков или языков национальных меньшинств.

По этому вопросу у России формируется своя позиция. Подписав Хартию в мае 2001 года, Россия рассматривает возможность присоединения к этому документу путем ратификации. Россия не единственное государство, отложившее ратификацию. Например, подписав Хартию в 1999 году, до настоящего времени ее не ратифицировали Франция и Исландия. Как и во многих европейских странах и даже более чем где бы то ни было, в России имеются особенности, которые могут препятствовать положительному решению вопроса. Это и огромное разнообразие языков, и неравномерное социальное и культурное развитие российских территорий, и нежелательность перевода темы языка в политическую плоскость в регионах, где есть конфликтный потенциал. Это, наконец, значительные финансовые затраты, которые последуют за ратификацией.

Хартия ориентирует законодательство и политиков на решение проблем недоминирующих языков как таковых, а не на поддержку этнических общин. Для России, преемницы бывшего СССР – государства, в котором немало было сделано для развития языков, такой подход тем не менее непривычен. До сих пор главенствует представление о том, что объектом государственно-правового регулирования должны быть этнические (в терминах советской эпохи – *национальные*) сообщества. А язык есть обязательный атрибут таких сообществ («без своего языка нет народа!»).

На современном этапе язык (языки) представляют собой не только средство общения тех или иных групп населения, но и самостоятельную, в известной мере автономную от ее носителей культурную ценность, которая, как и любая ценность, может быть утрачена, хотя при этом речь не идет о физическом вымирании людей или об «исчезновении народа». Переход на другой язык не означает утрату идентичности, то есть сознания принадлежности к тому или иному народу. В качестве скреп самосознания могут быть религия, эмоционально-духовная связь со страной и ее культурой и другие компоненты идентичности. При возвращении А.И. Солженицына из эмиграции его дети-подростки не говорили по-русски, но они не перестали считать себя русскими. Похожие ситуации пережили миллионы российских эмигрантов и их потомков, утративших знание русского языка, но сохранивших чувство связи с исторической родиной.

Проблема автономности культурных ценностей и их утраты без ущерба для социальной жизни людей еще более обострилась в эпоху глобализации. Вместе с тем многие государства уже осознают, что культурные утраты, такие как утрата недоминирующих языков, наносят ущерб наследию живущих и будущих поколений, создают атмосферу неудовлетворенности и деградации. К сожалению, на эти современные вызовы Россия пока еще не научилась реагировать должным образом. Ее законодательство и правоприменительная практика, как и действия в сфере языковой политики, по-прежнему базируются на концепции «языка этнической группы», «языка национальности» и порождают дебаты о равенстве и дискриминации одних групп относительно других. *Между тем следует говорить о различиях в статусе и в уязвимости одних языков по сравнению с другими.*

Европейская хартия региональных языков или языков национальных меньшинств, если будет ратифицирована Россией, может стать стимулом для обновления государственной языковой политики. При этом пересмотра потребуют не столько имеющиеся правовые нормы, которые в значительной мере готовы к восприятию и адаптации требований по сохранению и поддержке недоминирующих языков. Должны быть пересмотрены общественные и политические взгляды на суть языковой проблемы. Это окажет позитивное влияние на политическую и научную мысль и улучшит практику государственного управления в языковой и культурной сфере. С точки зрения прежних доктрин «равенства национальностей» любой ратификационный список языков будет дискриминационным, так как он не сможет включить все разнообразие российских языков. Но если следовать духу Хартии, прежде всего следует учитывать положение собственно языка и на этой основе выстраивать приоритеты языковой политики.

Далеко не все благополучно обстоит с языковой политикой в других странах, в том числе ратифицировавших Хартию. Например, ратифицировавшая Хартию Великобритания, в которой функционирует много языков, ограничила свой список тремя языками – валлийским, шотландским гэльским, ирландским. Швейцария назвала только два «подзащитных» языка – романский и итальянский как «наименее используемые официальные языки». Украина ратифицировала Хартию в 2005 г., спустя девять лет после подписания, в ратификационный список вошло 13 языков. При этом часть бытующих в этой стране языков при значительном количестве носителей осталась вне списка. В частности, языки армянский, цыганский, грузинский, татарский. Не рассматривается в качестве языка и русинский язык.

В России ситуация с разнообразием языков намного сложнее. Очевидно, что из более чем сотни российских языков только два-три десятка могут первоначально войти в ратификационный список. Но и внесение этого количества будет сопряжено со значительной организационной и финансовой нагрузкой из-за большой территориальной разбросанности языков. По мере продвижения языковой политики в России список языков может расширяться. Следовательно, процесс имплементации Хартии в нашей стране растянется на десятилетия, но это не должно восприниматься как установление приоритета одним национальностям и дискриминация в отношении остального населения.

Чем быстрее федеральная и региональная элита осознает необходимость нового концептуального подхода, тем последовательнее можно реализовывать механизмы сохранения и развития языков и тем более терпимым будет само общество. Важно, чтобы гражданские институты приобщались к решению проблем развития языков, а не сосредоточивали свою активность на межэтнической конфронтации, как это было в России в 1990-е годы. *В условиях растущего языкового плюрализма, порождаемого масштабной иммиграцией, а также интересом новых поколений к своему культурному наследию, новые подходы к языковой политике улучшат возможности социального управления и будут способствовать воспитанию у граждан России чувства целостности и единства общей родины.*

Что же касается современной ситуации в ключевой области языкового образования, то условия преподавания так называемых родных языков в России в значительной степени соответствуют международным стандартам. Однако и в этом направлении государственные усилия должны быть более последовательными. То же можно сказать о ситуации в России со средствами массовой информации и с практикой поддержки культурных мероприятий на различных языках. Таким образом, для современного государства в отношении языкового разнообразия наиболее эффективной и демократичной политикой является политика обеспечения статуса одного, двух или нескольких языков, которые объявляются государственными языками и за счет средств государства государственный язык(и) получает необходимые условия своего развития и функционирования. *Задача российского государства – обеспечить в полном соответствии с государственными стандартами изучение русского языка на всей его территории и для всех его граждан. Одновременно государство, его региональные власти и органы местного самоуправления вместе с общественными организациями и частным бизнесом должны поддерживать языковые запросы граждан, особенно в области образования, правосудия, социальных служб, информации.*

4.

**Федеральная власть
и законодательный ресурс
этнокультурного развития**

Развитие и укрепление правовой системы государства создает предпосылки для укрепления нации как сообщества граждан, осознающих свое единство с государством, выступающим защитником прав человека, в том числе в этнокультурной сфере. Недоверие к государству в лице федеральной власти, напротив, создает предпосылки для дезинтеграции нации, когда более предпочтительными становятся региональные или этнические лояльности. В связи с принятой в России политикой поддержки этнических культур участи экспертов и политиков возникают опасения в том, что это может привести к ущемлению прав представителей каких-то народов, в том числе русских, то есть к известной по опыту стран Запада позитивной дискриминации («дискриминации наоборот»). Поскольку российское общество по причинам сильного распространения ксенофобии и мигрантофобии не готово к политике преференций представителям миноритарных сообществ, важно соблюдение равенства и справедливого представительства в вопросах доступа к власти и к ресурсам граждан независимо от их национальной (этнической) принадлежности. Такой подход требует не только эффективного действия законов, но и практической деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, общественных кампаний, чтобы снять такие опасения.

В вопросе утверждения общероссийской идентичности и патриотизма нельзя забывать исторический опыт ассимиляционных процессов и этнически избирательных репрессий, из-за которых идея полиэтнической российской нации может восприниматься как новое издание концепта «советского народа» или как скрытая форма нивелировки этнических культур в пользу доминирующего русского большинства. Одновременно не меньшие усилия требуются и для противодействия этническому национализму шовинистического толка, когда российский проект представляется как препятствие установлению статуса этнических русских в качестве государствообразующей нации, то есть предоставлению особых прав одной этнической общности в ущерб остальным.

В условиях информационной открытости и растущей гражданской активности люди в некоторых полиэтнических странах (где этничности придается особое значение) остаются чувствительными к вопросу о том, кем является по национальности тот или иной администратор или политический лидер. К таким странам относится и Россия, хотя состав органов законодательной и исполнительной федеральной власти достаточно полно отражает полиэтничный характер российского общества. Учитывая наличие компонента этнического федерализма в форме республик и сложный состав населения большинства других регионов страны, этот вопрос представляется более важным на уровне власти в субъектах Федерации и в органах местного самоуправления.

Предпринимавшиеся до этого попытки законодательно ввести квотное представительство не принесли позитивных результатов, за исключением некоторых районов Севера и Северного Кавказа (Дагестан). Этнические квоты как принцип формирования власти в полиэтнических обществах не были приняты и в Европе. Они не дали позитивных результатов и в тех странах, где использовались (например, в Пакистане и Ливане). Для России представляется более эффективным *создание органов общественного территориального самоуправления или общественных советов при органах власти, в полномочия которых будут входить в том числе вопросы этнокультурного развития и состав которых будет формироваться с учетом этнического состава населения региона.*

Этот вопрос целесообразнее начать решать на уровне субъектов Федерации, накопить соответствующую практику, а затем подумать о принятии соответствующих нормативных документов. В этом случае создается поле для действия так называемого местного права, сочетающего черты государственного и обычно-правового регулирования. Здесь мы сталкиваемся с ситуацией, когда возможно создание неофициальных правил поведения, которыми будут руководствоваться значительные группы населения, причем не в узких клановых интересах, а для «правовых решений жизненных ситуаций»¹⁶. *Для полиэтнического общества правовой плюрализм (сочетание централизованного и обычного права) является вполне приемлемой нормой. Признанное правовое разнообразие и есть то самое единое правовое пространство, которым озабочены многие юристы.*

Развитие разных форм автономии, в том числе этнотерриториальной, при всех ее плюсах и минусах создает возможность ощущать правовую обеспеченность групповой целостности и воспроизводства этнической культуры. Законодательные собрания и исполнительные органы власти полиэтнических регионов обычно являются более чувствительными к этнокультурным запросам населения. Деятельность органов власти субъектов Федерации показывает, что именно в этнокультурной сфере их полномочия и проекты могут быть более эффективными, нежели федеральные.

Поскольку этнокультурные интересы населения в значительной степени касаются их повседневной жизни, одним из инструментов их регулирования является взаимодействие органов власти с этническими общественными организациями. В этом вопросе государственная правовая система России предлагает разные пути, как через общее законодательство о культуре и языке, так и через целевую поддержку культур всех национальностей – от доминирующей русской до культур малочисленных народов.

Задачи законодательного регулирования этнокультурного развития заключаются в создании гарантий для равноправного развития культур всех народов России, защите прав гражданина на удовлетворение его языковых и культурных потребностей. Для некоторых народов этнокультурное развитие тесно связано с доступом к ресурсам, с экологическими проблемами, с сохранением уникальных систем традиционного жизнеобеспечения, как, например, северное оленеводство. В этом случае культурная и этническая идентичности обретают экономические и общественно-политические параметры, а в ряде случаев – трансгосударственный характер. Нынешний аборигенный житель российского Севера может быть связан с собственной этнической группой, с местным или региональным сообществом, с государством и, наконец, с наднациональными образованиями типа Арктического совета и международных циркумполярных общественно-политических объединений для коренных малочисленных народов Севера. Такое положение характерно для современного развития аборигенных народов во всем мире, и Россия не является исключением. Более того, у России имеется большой позитивный опыт политики в отношении аборигенных малочисленных народов, которым она может поделиться.

Необходимо отметить, что государству и обществу часто не хватает гибкости в вопросах этнокультурного характера. *Мифологизированный смысл некоторых этнических коалиций, возможно, требует и адекватной политической реакции в такой же мифопоэтической форме без необходимой институализации субъектов этнополитики.* Длительные неудачи в попытках придать мифологизированному по своей сути казаческому движению в России государственно-бюрократический характер (вплоть до отдельного департамента в Администрации президента РФ и специального федерального закона) подтверждают этот наш вывод. Иначе получается, что, например, мифическое славянское единство и международные связи славянских народов всячески приветствуются, а в

¹⁶ Алексеев С.С. Право на пороге нового тысячелетия: Некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи. – М.: 2000. С. 107; См. также: Кудрявцев В.Н., Казимирчук В.П. Современная социология права. – М.: 1995. С. 39–45.

черкесских, финно-угорских или чукотско-эскимосских международных ассоциациях и связях зачастую видится только угроза национальной безопасности. По нашему мнению, *развитие общественных этнокультурных организаций по пути открытости и кросс-этнического взаимодействия может способствовать формированию общероссийского самосознания и в большей степени интегрировать государство и общество.*

В Российской Федерации помимо Конституции есть целый ряд федеральных законов, которые обеспечивают правовые гарантии этнокультурного развития и самоопределения в рамках общедемократических норм и гражданских прав. Обратим внимание на некоторые положения законодательства о культуре. Так, согласно статье 1 федерального закона «Основы законодательства Российской Федерации о культуре», одной из задач данного законодательства является «создание правовых гарантий для свободной культурной деятельности объединений граждан, народов и иных этнических общностей Российской Федерации». Более подробно этот вопрос раскрывается в статье 6:

«Российская Федерация признает равное достоинство культур, равные права и свободы в области культуры всех проживающих в ней народов и иных этнических общностей, способствует созданию равных условий для сохранения и развития этих культур, обеспечивает и укрепляет целостность российской культуры посредством законодательного регулирования федеральной государственной культурной политики и федеральных государственных программ сохранения и развития культуры».

Специальные статьи посвящены правам и свободам народов и иных этнических общностей в области культуры. Среди этих прав отметим следующие:

«Право на сохранение и развитие своей культурно-национальной самобытности, защиту, восстановление и сохранение исконной культурно-исторической среды обитания». При этом отмечается, что политика в области сохранения, создания и распространения культурных ценностей коренных национальностей, давших наименования национально-государственным образованиям, не должна наносить ущерб культурам других народов и иных этнических общностей, проживающих на данных территориях.

«Право на культурно-национальную автономию всем этническим общностям, компактно проживающим вне своих национально-государственных образований или не имеющим своей государственности». Здесь, к сожалению, повторяется уязвимый советский концепт «своей» и «не своей» государственности, якобы существующей в рамках одного согражданства, и этот концепт, конечно, требует устранения как из правовой мысли, так и из текстов законов. Тем не менее важно, что культурно-национальная автономия означает право представителей этнических общностей на свободную реализацию своей культурной самобытности посредством создания культурных центров, обществ и землячеств. Этнокультурные центры, общества и землячества имеют право представлять в органы государственной власти и управления предложения о сохранении и развитии этнической культуры, проводить фестивали, выставки и другие аналогичные мероприятия, содействовать охране исторических и культурных памятников, созданию этнографических и иных музеев. Они могут создавать клубы, студии и коллективы искусства, организовывать библиотеки, кружки и студии по изучению этнического языка.

В 1996 году был принят федеральный закон «О национально-культурной автономии». Согласно статье 1 этого закона, «национально-культурная автономия в Российской Федерации (далее – национально-культурная автономия) – это форма национально-культурного самоопределения, представляющая собой объединение граждан Российской Федерации, относящих себя к определенной этнической общности, находящейся в ситуации национального меньшинства на соответствующей территории, на основе их добровольной самоорганизации в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры». В законе были сформулированы права НКА, которые включали право получать поддержку со

стороны органов государственной власти, необходимую для «сохранения национальной самобытности, развития национального (родного) языка и национальной культуры». К сожалению, позднее обязательство по государственной поддержке НКА было устранено из текста закона. За пятнадцать лет деятельности НКА в стране было создано и действуют более 400 автономий разного уровня, в том числе 16 федеральных НКА. В России накоплен определенный опыт, который позволяет оценить положительно введение экстерриториальной формы внутреннего самоопределения наряду (а не вместо) с формой этнотерриториального самоопределения в форме республик и автономных округов. Этот опыт вполне соответствует опыту демократического устройства полиэтнических государств, который апробирован в других странах. Анализируя этот опыт, мы приходим к выводу, что *самой полной и эффективной формой самоопределения в сложных обществах является реализация права культурно отличительных групп и сообществ на участие как можно в более широком общественно-политическом процессе, то есть не кантонизация, не экстерриториальные этнические курии, не сецессия, а действительное участие во всех сторонах жизни государственного сообщества – вот что означает современную и самую демократичную форму самоопределения.*

Пока же этнополитика в России во многом носит вершущечный и патерналистский характер. По мнению некоторых специалистов, действующий ныне в России закон о НКА «должен говорить не о контроле государства над этническими организациями, а о взаимодействии с ними и их поощрении к общественно необходимым видам деятельности»¹⁷. Тем не менее принятием этого закона государство еще раз подчеркнуло протекционистский характер своей культурной политики. Об этом же свидетельствует статья 22 законодательства о культуре: «Российская Федерация гарантирует свой протекционизм (покровительство) в отношении сохранения и восстановления культурно-национальной самобытности малочисленных этнических общностей Российской Федерации посредством исключительных мер защиты и стимулирования, предусмотренных федеральными государственными программами социально-экономического, экологического, национального и культурного развития».

Важнейшую роль в утверждении национального самосознания и в воспитании ответственного гражданина в современных государствах продолжает играть система образования, хотя роль общей культурно-информационной среды и индивидуального опыта человека все больше возрастает. Современный образовательный стандарт предусматривает духовно-нравственное развитие и воспитание личности молодого человека, осознающего свою принадлежность к гражданской нации и вместе с тем знающего этнические культуры, традиции народов России, прежде всего своего народа и региона¹⁸.

Правовые гарантии такой политики были закреплены в федеральном законе 1992 года «Об образовании», статья 2 которого среди принципов государственной политики в области образования называет в первую очередь «гуманистический характер образования, приоритет общечеловеческих ценностей, жизни и здоровья человека, свободного развития личности. Воспитание гражданственности, трудолюбия, уважения к правам и свободам человека, любви к окружающей природе, родине, семье... Защита и развитие системой образования национальных культур, региональных культурных традиций и особенностей в условиях многонационального государства». По этому закону граждане Российской Федерации имеют право на получение основного общего образования на родном языке, а также на выбор языка обучения в пределах возможностей, предоставляемых системой образования (статья 6).

¹⁷ Степанов В.В. Научная экспертиза и законодательство о национально-культурном развитии в России // *Этнология общества. Прикладные исследования в этнологии.* – М.: 2006. С. 79–108.

¹⁸ Данилюк А.Я., Кондаков А.М., Тишков В.А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России // *Народное образование.* – М.: 2010. №1. С. 39–46.

На уровне федерального законодательства долгое время эти положения представлялись достаточными. Однако на уровне регионального нормотворчества в области образования возникли серьезные проблемы. В Республике Башкортостан, например, башкирский язык (меньшинства населения) стал обязательным школьным предметом для всех учащихся республики, что явно нарушало свободу выбора. Похожие ситуации предпочтительного статуса местных языков и языков меньшинств возникли и в некоторых других республиках. Через «национально-региональный» компонент преподавались этноцентристские версии истории так называемых титульных наций. Российская молодежь получала недостаточные знания в области российской истории и русского языка, что ослабляло ее конкурентные возможности¹⁹.

В конце 2007 и в 2009 году были приняты поправки к закону об образовании, которые сделали региональный компонент образования более подконтрольным федеральной власти, а также расширили возможности самих школ пользоваться вариативностью в выборе программ и предметов. В ответ на озабоченности местных этнических элит было подчеркнуто, что реформа в области образовательных стандартов создает больше возможностей для учета этнокультурных запросов разных групп населения, проживающих в том числе и в республиках.

Несмотря на эти существенные коррективы, *остается нерешенной проблема поликультурного воспитания и образования в регионах со смешанным составом населения и в стране в целом*. В России, например, до сих пор нет школьных учебников, которые раскрывали бы поликультурную природу русского народа и вклад в историю страны представителей разных национальностей. В стране как бы сталкиваются две крайние точки зрения на прошлое: старая, русскоцентристская и новая, этнонационалистическая версии, что вызывает напряженность и нетерпимость между учащимися разных национальностей. В свое время ряд полиэтнических стран, а также страны Евросоюза произвели ревизию версий национальной истории в пользу более инклюзивных и мультикультурных образцов, а также в пользу демонтажа образов врага в лице других народов и государств. Проблема канона (стандарта) в области исторического образования стала частью глобальной повестки международного интеллектуального сообщества²⁰. Россия в настоящее время также предпринимает шаги по созданию более объективных и менее конфликтных версий прошлого, в том числе это делается на уровне двусторонних комиссий историков со странами бывшего СССР, Финляндией, Германией и Польшей. Это есть часть демократизации интеллектуального и образовательного пространства России и некоторых других стран.

¹⁹ Анализ ситуации в регионах см.: Этнокультурное образование. Методы социальной ориентации российской школы / Под ред. В.В. Степанова. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2010.

²⁰ Тишков В.А. Новая историческая культура. – М.: 2011.

5. Местное самоуправление в полиэтничестве

Демократизация государственного устройства стала важнейшим направлением реформирования посткоммунистической России, и в этой области произошли исторические перемены. Однако радикальность перехода (транзита) в большой и сложной по составу населения стране вызвала неоправданные импровизации, острые конфликты вплоть до открытого насилия, а также ослабление кадрового состава органов власти субнационального уровня, их ресурсного обеспечения и компетенции. Но в целом процесс демократической децентрализации 1990-х годов представлял в своей основе позитивное политическое творчество новых элит и общественных сил. Это творчество опиралось частично на российский исторический опыт, в том числе и досоветский, на сохраняющиеся институты, кадры и доктринальное наследие СССР, а также включало полезные заимствования и новации, вызванные местной спецификой и конкретной общественно-политической ситуацией (например, в республиках Северного Кавказа и в арктических регионах).

Несмотря на этот позитив, *фундаментальный конституционно-правовой принцип разделения государственного и местного самоуправления остается в России скорее идеологической интенцией, нежели институциональной данностью*. На практике разделить выполнение органами местного самоуправления государственных полномочий и полномочий по решению вопросов местного значения в большом числе случаев оказалось невозможно. К категории политической мифопоэтики можно также отнести и констатации, что «местное самоуправление – это основа российской государственности» или что «местная власть – это наиболее демократическая форма власти». На самом же деле этнография местной власти гораздо более сложна, как и ситуативны и динамичны отношения и роль местных властей в общегосударственной эволюции.

В полиэтничестве государствах с элементами этнического федерализма невозможно рассматривать «местное управление» только в его конституционно-правовой дефиниции, то есть применительно к уровню ниже субъектов Федерации – регионов. Даже если республики определяются российской Конституцией как «государства» и их государственность составляет часть федеративной государственности, тем не менее именно они и составляют одно из главных средоточий проблемы самоуправления местных сообществ, ибо территории республик и автономных округов – это территории проживания культурно отличительных от остального населения местных сообществ. Сложный этнический состав имеет и большинство российских краев и областей. В этой ситуации *федерализм должен сочетаться с сильным местным самоуправлением*.

Через расширение прав, ресурсов и инициатив местных сообществ может решаться значительная часть проблем межнациональных отношений, а также задача сохранения культурных традиций и своеобразия. Этнические конфликты чаще всего произрастают из местных проблем. Их эскалация происходит от неспособности низовых властных структур решить эти проблемы, главным образом по причине ограниченности прав и скудости ресурсов. Однако в ряде случаев именно местные власти, общественность, традиционные институты социального контроля продемонстрировали большую эффективность в разрешении межнациональных проблем, чем федеральные или регионально-республиканские органы власти. Там, где местная власть фактически отсутствует или коррумпирована (как это было в карельском городе Кондопога), тогда межэтнические распри обретают форму массовых волнений и погромов.

Формированию демократической системы местного самоуправления в России мешает общая неразвитость институтов гражданского общества, а если говорить точнее, это неготовность российских граждан к самоорганизации и низкая значимость ценностей самоуправления в массовом сознании. Именно этот социокультурный фактор не позволяет местному самоуправлению стать влиятельным политическим институтом. *В современной России существует гибрид самоуправления и местной государственной администрации.*

Разная степень развития местного самоуправления отражает сложный характер самой страны и ее государственно-административного устройства. Отчасти это проблема больших по размерам территорий, непонимание природы местной власти и неумение ее отправлять, а также это проблема полномочий и ресурсов. Сказываются слабое правовое регулирование и координация правовых норм федерального и регионального уровней. Какие вопросы могли бы стать предметом глобального обсуждения проблемы, как управлять местными сообществами в полиэтнической стране?

Во-первых, сама природа и культурная обусловленность формирования территориальных сообществ, а также их постоянная динамика. С этим тесно связаны и территориальные формы местной власти. Как образуется то, что можно назвать «местным сообществом», в историческом и социокультурном аспектах? Можно ли определить членство в местном сообществе по формальному признаку постоянного проживания или сюда должны быть включены и те, кто уехал в город или даже за границу, но, располагая ресурсами и символическим капиталом, а также имея интересы, продолжает осуществлять власть над сообществом и определять многое в его жизни, в том числе и через конкретное участие (спонсорство, культурная деятельность, политическая мобилизация в поддержку выходца или выходцев из сообщества, криминальные связи и действия и т.п.)? Что есть современное местное сообщество, если значительная доля средств, на которые существуют его члены, поступает от тех, кто связан с этим сообществом, но физически в нем не пребывает?

Во-вторых, с этим же связан вопрос о границах местных сообществ и (или) муниципальных образований. Ясно, что это разные границы, и административные границы никогда не могут совпадать с границами культурными и границами местных хозяйственных комплексов. Что в реальной российской практике определяет границы местных образований? У нас есть ощущение, что здесь фактически сохраняется советская система местного административного деления. Если и появилось что-то новое, так это своего рода вариант американского *джерримендеринга*, то есть границы сельских или городских районов могли быть изменены, только исходя из политических расчетов, ибо с административными границами связано определение границ избирательных округов. Встает вопрос, насколько сохраняющаяся советская система не только местного, но и республиканско-регионального административного деления была и остается оправданной и что можно ей противопоставить как «идеальные» принципы для определения территориальной основы местного самоуправления.

Современная антропология местных сообществ говорит о том, что они складываются под воздействием внутренних и внешних факторов, которые имеют динамическую взаимосвязь. То, что тридцать-пятьдесят лет назад казалось действительно было насилием в формировании и определении границ местных сообществ, сегодня становится частью идентичности и глубокой привязанности их членов, то есть кажется исторической нормой и даже «традицией». Другими словами, адаптационные возможности современных людей достаточно велики, и они способны не только стихийно самоопределять пространственные границы локальных коллективов, но и приспосабливаться к внешним предписаниям, даже если они не учитывали местного волеизъявления. Для каждого нового поколения границы местного сообщества – это радиус тех местных дорог, по которым в юности можно было доехать на велосипеде или на мотоцикле, чтобы сходить на дискотеку или погулять с девушкой. *Следует сразу же отметить, что осваиваемое человеком пространство повседневной жизни скорее расширяется, чем сужается, чему способствуют прежде всего улучшающиеся транспортные пути и автомобильные средства передвижения.*

Безусловно, в данной сфере социальной жизни сохраняются и могут заявить о себе в манифестной форме некоторые групповые (этнические) границы, которые при всей их изначально ментальной сущности могут обретать географические параметры. Представители некоторых этнических общностей (а точнее, хозяйственно-культурных комплексов) могли на протяжении длительного времени занимать определенные пространства для проживания и использовать другие пространства для ведения хозяйственной деятельности. Иногда представители двух разных культур могли использовать разные ресурсные ниши на одной и той же территории и проживать смешанно или раздельно-смешанно (отдельные поселки/аулы, но единые поселения более широкого плана). Пространственные параметры этнических общностей сохраняются и в современной жизни, особенно в сельской местности и в некоторых малых городах (в крупных городах России пока еще нет «этнических кварталов»).

В-третьих, в какой мере этнокультурный фактор может быть основой определения границ местных сообществ? Для сельских сообществ, безусловно, может, ибо культурная гомогенность мест проживания обусловлена не только давней историей, но и современными человеческими стратегиями: удобством языкового общения, схожестью систем хозяйственного жизнеобеспечения, бытовыми нормами, ценностными ориентациями, обрядовой жизнью т.п. *Ценность культурной партикулярности не исчезает с модернизацией и нивелировкой хозяйства и быта под воздействием рынка и массовой культуры. Многообразие местных сообществ не будет исчезать, а его символическое значение (как одной из форм человеческой идентичности) даже может возрастать.* Значит, этнокультурный фактор должен быть признан среди приоритетных в определении границ местных сообществ, а сохранение местного культурного многообразия является одной из задач местного самоуправления и государственной политики в отношении местных сообществ.

Но опять же, насколько далеко может заходить культурный детерминизм в данном вопросе, если мы уже отмечали высокую адаптивность и мобильность человеческих коллективов? Некоторые общественные активисты и этнологи высказываются за систему своеобразной местной кантонизации культурно сложных сообществ и организацию местных поселений и образований на этническом принципе. Такой вариант предлагается для Дагестана, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и некоторых других регионов РФ. Аргументом в пользу данного варианта является необходимость защиты и должного представительства малых этнических групп в более широких полиэтнических образованиях, а также представление о мирной стабильности этнически однородных поселений.

По поводу этого аргумента есть серьезные сомнения, но ясно, что данный вопрос заслуживает обсуждения. Причем культурная основа пространственных границ местных сообществ – это не только проблема Северного Кавказа или республик, но и всей страны, ибо местное культурное разнообразие присутствует и воспроизводится повсеместно, хотя внешние наблюдатели его могут и не замечать. «Марийцы и есть марийцы, мордва и есть мордва», – считают многие, но только не сами члены местных сообществ, где имеет значение деление марийцев на горных и луговых (даже разные языки!), а мордвы – на эрзя и мокшу. Эту значимость могут и, видимо, должны определять сами жители, но в какой мере этот фактор первичен, чтобы быть основой решения о границах, и в какой мере решение принимается действительно в результате волеизъявления, а не манипуляций со стороны «этнических предпринимателей» и замороченных паранаучными текстами местных интеллигентов?

В-четвертых, анализ правоведческой и политологической литературы ставит еще одну фундаментальную проблему: в какой мере оправданна единая категория «местные сообщества» для сельских и городских образований? Для территории Аляски или Москвы с частью Подмосковья такое деление не носит принципиального характера (и там, и там нет деревни). Но в большинстве стран, в том числе и в России, дихотомия

город-село имеет сложную природу, а жизнь в городе и на селе и характер городской и сельской власти существенно различны. Некоторые специалисты обратили на это внимание. И.Д. Саначев, в частности, писал, что «в современной российской муниципальной науке, а в особенности в российском законодательстве, предпринята бесперспективная, на наш взгляд, попытка нивелировать разницу между сельской и городской местной властью, нивелировав – заодно уж – и разницу в администрировании этих местных образований... Однако очевидно, что формы организации, экономическая основа администрирования и менеджирование сельских и городских поселений (включая впервые и так называемые сельские территории) настолько различны, что пытаться не видеть эти различия просто преступно и чревато большими осложнениями на практике»²¹.

Анализ повседневности жизни и смысла власти для городского и сельского жителя поможет выяснить эти принципиальные различия, а значит, необходимость различий в правовых нормах и администрировании, не говоря уже о перспективе различной категоризации двух разных классов социальных явлений: городского и сельского (само)управления. Здесь нельзя обойти и вопрос о существовании в РФ смешанных муниципальных образований с объединением городских и сельских территорий. По имеющимся полевым наблюдениям²², в данном случае мы имеем дело с административным «выбросом» персоналистских властных и коммерческих соперничеств, а территория, как и во времена враждующих племенных групп, становится ресурсом выживания и безопасности.

В-пятых, существующая степень анализа и общего понимания игнорирует неформальную сторону природы власти. Сельские (деревенские) муниципалы продолжают тратить половину своего рабочего времени в кабинетных инстанциях районных муниципальных образований. Одна «местная власть» находится фактически в полном подчинении у другой «местной власти». На чем строятся это повседневное подчинение и зависимость, которые в Конституции, законах и указах не прописаны? Похоже, в ряде регионов нынешние администрации районов полностью подчинили себе власть деревень, поселков и сел, и последняя есть искусственное образование или инструмент осуществления иных функций. Но тогда каких?

В любом случае в России наблюдается разрыв между заявленной реальностью (законы, уставы, решения, опросы и т.д.) и практикой повседневности, построенной на неформальных связях, жестких зависимостях, сугубо личных или корпоративных интересах и т.д., которые делают итоговую оценку местного самоуправления гораздо менее оптимистичной. Приходится признать, что в современной России многие политические, идеологические и культурные основы местного самоуправления отсутствуют, а в некоторых российских регионах нет нормальных основ для функционирования местной власти вообще.

В целом мы имеем переходную ситуацию, когда возможны как возврат к унитаристской системе государственного управления (естественно, с местной властью), так и дальнейшее продвижение в направлении самоуправляющихся местных сообществ в качестве одного из условий демократического и социально благополучного государства. Вторая перспектива труднее, но потребность в ней больше. Можно позитивно оценить решение Государственного совета от 11 февраля 2011 года в г. Уфе относительно большей передачи ресурсов, полномочий и ответственности в области этнокультурной политики и регулирования межэтнических отношений на уровень региональной и местной властей.

²¹ Саначев И.Д. Местное самоуправление в России: шаг вперед или политическая игра? // Становление местного самоуправления в Российской Федерации / Ред.-сост. О.Л. Савранская. – М.: МОНФ, 1999. С. 10.

²² Социальная антропология современного российского города: Итоги полевых исследований / Под ред. В.А. Тишкова. М.: 2010; Малый город в современной России: Предварительные результаты полевых исследований / Под ред. В.А. Тишкова. М.: 2010.

6. Мигрантофобия и неорасизм в условиях демократии

За два последних десятилетия Россия пережила масштабные миграционные процессы. В 1990-е годы в страну, только по официальным данным, прибыло более 5 млн иммигрантов, из которых 3,3 млн составляли русские. Среди мигрантов около 1,2 млн были вынужденные переселенцы и беженцы. По мнению авторитетных специалистов, общее число иммигрантов и среди них вынужденных переселенцев и беженцев в реальности было примерно в два раза больше²³. На так называемых нелегальных (нерегистрируемых) мигрантов приходилось до 6 млн человек, а к середине 2000-х годов эти оценки уже составляли до 10 млн человек²⁴. В 2010 г. в России, по данным Федеральной миграционной службы, находилось около 5 млн иностранных граждан, из которых менее 1 млн человек трудились на законных основаниях. Первую волну мигрантов составляли выехавшие из зон вооруженных конфликтов в Закавказье (Азербайджан и Грузия) и Средней Азии (Таджикистан и Узбекистан). Это были в основном русские, армяне, турки-месхетинцы, южные осетины. Затем в первой половине 1990-х годов произошел массовый выезд русских в основном из Казахстана и стран Средней Азии, Закавказья, с Украины и из стран Балтии. С середины 1990-х годов начинается массовая трудовая миграция, и доля русских в ней упала до минимума. Это были в основном временные трудовые мигранты с Украины и из Молдавии, Азербайджана и Грузии, Таджикистана, Узбекистана и Киргизии²⁵. За ними шли мигранты из Турции, Китая и Вьетнама.

В 2000-е годы заметно увеличилась доля трудовых мигрантов из стран Центральной Азии. Среди этой волны миграции преобладали выходцы из сельской местности, плохо знающие российскую культуру и русский язык. Именно эта часть мигрантов стала объектом особой эксплуатации, бытовой и политической мигрантофобии со стороны основного населения. Эта часть мигрантов заняла наименее престижные ниши на рынке труда, главным образом это неквалифицированные работы в строительстве (40% мигрантов в 2009 году), торговле (30%) и жилищно-коммунальном обслуживании, а также ремонтные и подсобные работы по найму юридических и физических лиц. Доля мигрантов перед финансово-экономическим кризисом 2008 года составляла немногим более 1% трудовых ресурсов страны (реально данная цифра в несколько раз выше). Это намного меньше, чем доля иммигрантов в трудовых ресурсах Швейцарии (22%), США (15%), Австрии (10%), Германии (9%). Что касается производимого трудовыми мигрантами совокупного продукта (стоимость произведенных работ, товаров и услуг), то он составляет от 7 до 10% ВВП России. Это во много раз превосходит объем отправляемых мигрантами в страны исхода денежных средств. Хотя именно последняя цифра в несколько сот миллионов долларов постоянно фигурирует в оценках миграции и почти никогда не дается оценка результатов труда мигрантов для национальной экономики и обеспечения повседневной жизни россиян.

²³ Миграционная ситуация в странах СНГ / Под ред. Ж.А. Зайончковской. – М.: Комплекс-Прогресс, 1999. С. 60, 168. См. также: Вынужденные мигранты: интеграция и возвращение / Под ред. В.А. Тишкова. – М.: ИЭА РАН, 1999.

²⁴ Рязанцев С.В. Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии: тенденции, последствия, регулирование. – М.: Формула права, 2007. С. 135–136.

²⁵ Миграции и новые диаспоры в постсоветских государствах / Под ред. В.А. Тишкова. – М.: ИЭА РАН, 1997; Миграция и рынки труда в постсоветской России / Под ред. Г.С. Витковской. – М.: Московский центр Карнеги, 1998.

Миграция влияет на этнический состав населения страны, особенно регионов, куда переселились на постоянное жилье мигранты первой волны и где особенно много сосредоточено временных трудовых мигрантов. Так, в 1990-е годы заметно изменился состав населения южных областей и краев России. В Краснодарский и Ставропольский края и в Ростовскую область прибыло много мигрантов армянской национальности, сюда же переехали десятки тысяч россиян из республик Северного Кавказа, а также из районов Севера и Дальнего Востока. В центральные области России (Владимирская, Ярославская, Нижегородская и другие области) прибыло и осталось на постоянное жительство много азербайджанцев, армян, а также внутренних мигрантов из республик Северного Кавказа (чеченцы, ингуши, дагестанцы). Наиболее ощутимо и болезненно воспринимались быстрые этнодемографические перемены в составе населения за счет групп, которые до этого не проживали в данных регионах. Это касается как малых городских поселений, так и крупных городов. Особо алармистскими были оценки политиков и некоторых ученых в отношении Москвы, которую якобы заполнили иммигранты. В реальности эти изменения не были столь радикальными не только в Москве, но и в южных регионах России. Тем не менее иммиграция стала все больше рассматриваться как негативный фактор, как угроза существующей культуре и образу жизни, а также в аспекте обеспечения национальной безопасности, борьбы с преступностью и терроризмом.

После принятия нового закона о гражданстве и передачи ФМС в подчинение МВД в 2001 г. смыслом и целью миграционной политики стала борьба с незаконной миграцией. Для оправдания этой политики создавался негативный образ мигранта как потенциального преступника, нежелательного конкурента и нахлебника, который пользуется возможностями России и услугами ее жителей. Это отвечало корыстным интересам многочисленных работодателей, ибо запугивание и унижение иммигрантов позволяло недоплачивать за их труд и не нести никакой ответственности за условия их жизни и состояние здоровья. Проблема миграции стала фактически морально-нравственной проблемой всего российского общества, которое по большому счету этот экзамен не выдержало. В 2000-е годы мигрантофобия в России достигла предельного уровня, включая многочисленные случаи насилия и жестокие убийства мигрантов. Этим занимались группы националистически настроенной молодежи под влиянием довольно известных политиков, журналистов и целой когорты появившихся самозванных специалистов по миграции и демографии. При этом уже не делалось особых различий между иностранными «гастарбайтерами» и российскими гражданами-выходцами из республик Северного Кавказа или Закавказья.

Губернаторы регионов называли мигрантов «подпольной чужеземной армией» (А. Тулеев), которые «не хотят жить по местным законам и обычаям» (А.Л. Черногоров) и которые «устанавливают свои криминальные порядки, всячески притесняют местное население» (Е.С. Строев). Бывший заместитель председателя комитета Госдумы по делам СНГ и связям с соотечественниками А. Савельев усматривал угрозу массовой миграции в «размывании нашего этнодемографического портрета». Как отмечает В.А. Шнирельман, этот политик-расист «не находил для миграции иных слов, кроме «миграционный потоп», «армия варваров», «замкнутые группировки», «агрессивный потенциал», «агрессия инородческого Юга», «агрессия против Белого человека»²⁶. Директор некоего мифического Института демографических исследований И. Белобородов заявил, что «приток иммигрантов создает угрозу межэтническому балансу, провоцирует межэтнические конфликты и никак не решает демографическую проблему». Этим «экспертом» был

²⁶ Шнирельман В.А. Указ. соч. Т. 2. С. 18–19.

выдуман «критический порог»: «Когда около трети проживающих – представители иной культуры, с этим сложно что-то делать»²⁷.

В антииммигрантской риторике одним из распространенных является положение о «нарушении межэтнического баланса», суть которого состоит якобы в разрушении культуры и образа жизни автохтонного населения при превышении определенной доли жителей в общей численности. Как считает В.А. Шнирельман, «это служит стержневой идеей культурного расизма, сторонники которого придерживаются эссенциалистского взгляда на культуру и считают, что, во-первых, человек едва ли не с молоком матери впитывает строго определенные культурные коды, во-вторых, они в неизменном виде сопровождают его на протяжении всей его жизни и он не способен что-либо изменить, в-третьих, он является носителем одной, и только одной, строго определенной культуры»²⁸. Акцент на неизменности «культурных кодов» приводит к идее о якобы неизбежном конфликте культур и цивилизаций и отсюда – о пагубности иммиграции. Здесь культурная идентичность рассматривается как главная в сравнении с гражданской и политической, а интересы личности подчиняются коллективу под названием «народ» или «нация».

С самого начала 1990-х гг. в арсенале политических программ и научных исследований была проблема новых диаспор, зарубежных соотечественников и их сначала, казалось бы, неизбежной, затем – возможной и желательной «репатриации» на свою историческую родину. В качестве исторической аналогии чаще всего приводился пример Франции, когда в эту страну вернулось много французов после утраты колоний, особенно после войны в Алжире в 1950-е годы. В действительности этот пример с бывшими колониальными метрополиями Европы (Великобритания, Франция, Голландия) не вполне подходит для его сравнения с Россией после распада СССР. Российская империя и СССР не были классическими колониальными империями, здесь не было метрополии как таковой с ее господствующей нацией и угнетаемой колониальной периферией. Российский/советский народ представлял собой историческую и социально-культурную общность, а образовавшиеся после распада независимые государства представляли собой полиэтнические сообщества, в которых все население было «бывшими соотечественниками», русские же среди них представляли собой не служащих колониальных администраций, а в большинстве своем – старожильческое население этих стран и регионов. В Нарве и Тарту, Одессе и Севастополе, Барнауле и Гурьеве русские жили столетиями, и именно они были первожителями многих территорий и мест.

Этнический национализм среди элит новых государств и желание так называемого международного сообщества, а по сути, стран Запада, дистанцировать Российскую Федерацию от стран нового зарубежья и распространить на них собственное влияние объясняли морально-политическую и научно-академическую поддержку тезиса о распавшейся империи и о русских как об «оккупантах» и «колонизаторах». Эта поддержка и попустительство явной дискриминации больших групп населения по этническому признаку (вплоть до отказа в гражданстве рожденным в новых странах жителям) были одним из факторов, которые обострили проблему миграций в постсоветском пространстве. Выехавшие в Россию «этнические соотечественники» оказались затем среди наиболее резко настроенных против новых стран и их жителей, а тем более тех, кто прибыл в Россию в качестве трудовых иммигрантов.

Российская миграционная политика претерпела многие коллизии, особенно по части Федеральной миграционной службы и ее руководителей, но одним из наиболее значимых ее поворотов стал 2002 год, когда по новому законодательству о гражданстве

²⁷ Цит. по: Шнирельман В.А. Указ. соч. Т. 2. С. 19.

²⁸ Там же.

были введены фактически непреодолимые барьеры на пути легализации иммигрантов, расцвела коррупция со стороны чиновников и произвол со стороны правоохранительных органов и работодателей. Несколько миллионов уже находившихся в России мигрантов из стран бывшего СССР, в том числе и русских, теперь не могли легализовать свое положение и тем более – получить гражданство. В 2006 году этот закон и миграционный порядок были несколько смягчены в части регистрации иммигрантов (уведомительный порядок), и доля нерегистрируемой (нелегальной) миграции сократилась (на миграционный учет было поставлено около 3 млн иммигрантов). Зато были введены квоты на иммигрантов по заявкам регионов и юридических лиц, то есть представителей бизнеса, где использовался труд иммигрантов. Но эти квоты совсем не учитывали потребности физических лиц, иными словами – обычных граждан страны, миллионы которых постоянно используют труд иммигрантов при ремонте квартир и строительстве дач, уходе за детьми, престарелыми и больными, на дачных и других работах. Политика квот стала фактически фикцией.

Еще одной неудачей миграционной политики оказалась программа репатриации соотечественников, запущенная в 2007 году с явно этнически избирательным уклоном и с надеждой вернуть в Россию часть остающегося в ближнем зарубежье русскоязычного населения, перевесив тем самым «нежелательный миграционный поток» в лице коренных жителей Средней Азии и Закавказья. По этой программе за последние годы в Россию переехало несколько тысяч человек, а не сотен тысяч, как рассчитывали авторы программы.

Тем временем на протяжении второй половины 2000-х годов в России росли мигрантофобские настроения. Мигрантам по-прежнему предъявляли претензии в том, что они якобы отбирали у местного населения рабочие места, тормозили рост зарплаты и не позволяли в полной мере развиваться высокотехнологичным производствам, захватывали престижные квартиры и стремились к созданию «этнических анклавов». Мигранты якобы создавали непосильную нагрузку на социальную сферу, приносили болезни, обеспечивали значительную долю преступлений, не хотели интегрироваться и пытались навязать свою культуру. Весь этот набор антимигрантских тезисов достаточно хорошо знаком и другим странам, которые принимают иммигрантов, но в России есть своя специфика в том, как на эти мифы, на недобросовестную и неквалифицированную информацию реагирует общество. Прежде всего *в стране сложилась целая политическая философия антимиграционизма, в основе которой лежат расово-этнические аргументы и образы*. Они придают негативный характер представителям целых этнических групп и даже используют тезисы коллективной ответственности, такие как, например, депортация из страны всех грузин или всех таджиков. Эта политическая философия нового расизма имеет как экономическую (масштабная и приносящая многим членам общества большие и малые прибыли), так и социальную (как реакция на трудную адаптацию самих россиян к конкурентной среде рыночной экономики) природу. У этой философии есть и свой морально-психологический аспект, а именно: кризис идентичности россиян, его политической и интеллектуальной элиты, при котором место прежней межэтнической терпимости заняло ожесточение по отношению к новым суверенным соседям, откуда многим нынешним жителям пришлось уехать с моральными и материальными потерями. Но самое главное – антимиграционизм имеет также и криминально-коррупционную составляющую, ибо оправдывает неправомерные действия и прямое насилие по отношению к временным жителям России и даже к собственным гражданам – переселенцам из других регионов страны.

Побочным, но опасным порождением политической философии антимиграционизма стали крайние формы ксенофобии и расизма, которые довольно быстро распространились

в молодежной среде. Однако идеологами и наставниками экстремистских групп часто выступают представители образованной элиты, лидеры общественных организаций и политических партий. Правовые санкции и даже запреты на деятельность такого рода организаций и партий, а также издательств, интернет-сайтов и редакций изданий несколько улучшают ситуацию, как и судебные процессы против убийц и террористов из числа националистических и расистских экстремистов. Но в целом *современная Россия столкнулась с проблемой, для эффективного решения которой пока не хватает компетенции и силы государства и необходимого потенциала толерантности в институтах гражданского общества.*

Следует заметить, что в демократических странах ксенофобия и расизм практикуются в более мягких формах, чем в странах с тоталитарными режимами. Однако демократия не служит панацеей от расизма. Демократические нормы и свободы фактически допускают этнически избирательную дискриминацию, придавая первоначально части жителей страны статус культурно отличительного сообщества (меньшинства или расы) через разные бюрократические процедуры (например, переписи населения) и политические декларации, затем наделяя эти сообщества образами «чужаков» и людей «другой крови» и, наконец, порождая расистские практики.

Существующие в странах демократии и в Российской Федерации эти практики пока изучаются и обсуждаются недостаточно. Хотя речь идет о довольно разных вещах. Во-первых, это *бытовой расизм*, который не требует разработанной идеологии, но который распространен в разных социальных группах и оказывает свое влияние как в семейной среде, так и в повседневном общении людей.

Во-вторых, это *политический расизм*, основанный на партийной идеологии, когда действующие во многих странах партии и другие организации кладут в основу своих программ и деятельности открытые или скрытые формы этнорасовой непримиримости и вражды. В России в последние годы ряд таких организаций был запрещен судебными решениями, но произведенная ими программатика остается в общественном обороте через публикацию экстремистской литературы, неформальные коалиции, флешмобы и социальные сети в Интернете.

В-третьих, существует *институциональный расизм*, присущий отдельным социальным институтам (армия, школа, медицинское обслуживание, социальная помощь, религиозные организации и пр.). По этой части в странах Запада в рамках многолетней политики политической корректности накоплен большой и позитивный опыт, который заслуживает внимания российских политиков и ученых.

Наконец, есть *государственный расизм*, который обнаруживает себя в законодательстве, принципах формирования государственных служб, некоторых санкционированных государством практик. В России конституционно-правовые нормы отвечают должным требованиям демократических обществ, но вот практики очень часто отстают от этих норм.

Формирование расового мировоззрения и неорасистских практик в постсоветской России можно объяснить следующими факторами. *Во-первых*, при всем интернационализме и дружбе народов как лозунгах коммунистическая этнополитика включала в себя практики, которые на Западе обоснованно считались расистскими, – например, трактовка этничности не как формы идентичности, а как жестких коллективных тел (со своей территорией, государственностью, культурой и характером), и иерархия народов и наделение их неравными политическими статусами. Крушение коммунистической утопии и переход от «реального социализма» к реальному капитализму расчистили дорогу расистским идеям и их политическим проявлениям. Этот наследованный от советского времени

этнонационализм усилил свое влияние в последние советские десятилетия, когда марксизм стал окончательно догмой и «обслуживал» консервативную верхушку страны. Тогда этническая парадигма стала более привлекательной и даже обрела солидную академическую оболочку в виде теории этноса.

Во-вторых, распад СССР происходил на фоне своего рода «национального возрождения», то есть мощного взрыва периферийного этнонационализма, который зачастую воспринимался частью отечественных политиков и ученых и, конечно, западным сообществом как «союзник демократии», как справедливая форма «национального освобождения» от советского колониализма. Именно в эти годы распада расцвели крайние формы этнического (основанного на «почве и крови») национализма, а вместе с ним – и шовинизма (национализма большинства). Наконец, последовавшие после распада иммиграция и внутренняя миграция (например, из республик Северного Кавказа) воспринимались населением и описывались публично в культурных терминах как «столкновение культур» и как «культурная несовместимость».

В-третьих, либеральные реформы существенно подорвали статусы части интеллектуального слоя, работников военно-промышленной сферы и спецслужб и вызвали неуверенность в жизненных перспективах многих россиян, что не могло не породить настроения социального протеста. Многие из не принявших новый уклад или ушедших в сферу личного обустройства оказались восприимчивы к разного рода ксенофобской идеологии, которая стала обильно поставляться на книжный и информационный рынок, а также в сферу образования. Негативную роль сыграла часть профессуры старшего поколения, которая занималась индоктринацией молодежи по части «развала страны», «мировых еврейских заговоров», «агентов Запада» и т.д. Ксенофобия у молодежи подпитывалась примитивным патриотическим воспитанием и антизападническими, антиамериканскими проповедями через влиятельных комментаторов и политических харизматиков на предмет защиты страны от внутренних и внешних врагов. Последние стали чаще всего ассоциироваться с иммигрантами, которых так и стали называть «захватчиками», «оккупантами». Одновременно формировалась ненависть к либерально настроенным гражданам, к ученым и общественным активистам, которые сотрудничали с западными коллегами и пользовались поддержкой иностранных научных и других фондов. Объектами нападок для ксенофобов и лжепатриотов стали не только «чужаки», но и отечественные «грантососы», «западники», «агенты влияния», которых «лидер Международного евразийского движения», известный расист А. Дугин призывал «экстерминировать» (то есть физически уничтожать): «В русское общество пробрались различные животные, называемые «либералами», «западниками», «агентами влияния» и т.д. Огромный выводок вирусов, который в течение десятилетий поражает российское общество. Эти люди поднимают вопрос о том, нужен или не нужен патриотизм, потому что они сами являются воплощением болезни. Их надо либо изолировать (если они заражены вирусом), либо экстерминировать (если вирусы – это они сами)»²⁹.

Расистские настроения, дискриминация по этнорасовым признакам и нападения на «расово чуждых» в России росли довольно быстро. Это отмечали российские эксперты, а также западные наблюдатели. В 2006 году правозащитная организация «Международная амнистия» сделала вывод, что «ситуация с расизмом в России несовместима с тем местом, которое страна занимает на международной арене, что подрывает ее положение в мире»³⁰. Специальный докладчик Совета по правам человека ООН Дуду Дьен также отметил усиление в России влияния политических партий расистской ориентации, формирование

²⁹ Русский журнал. № 11(25), 21 апреля 2009 г.

³⁰ Цит. по: Шнирельман В.А. Указ. соч. Т.2. С. 468.

расистской и ксенофобской культуры и рост насилия на этой почве³¹.

Сегодня некоторые авторы объясняют ксенофобию социально-экономическим неблагополучием, негативными демографическими тенденциями и войной в Чечне с ее тяжелым «чеченским синдромом»³², а также «оборонительной реакцией» русских на натиск чужеродных «торгашей» и «преступников»³³. Но эти аргументы мало убеждают, ибо стремление ксенофобов выдать себя за жертву засилья «чужаков» известно очень давно. Оно распространено также и в других европейских странах. Российские социологи опровергают мнение о связи роста ксенофобии с ухудшением материального положения. В 2000-х годах экономическое положение страны и населения заметно улучшилось, но снижения ксенофобии не наблюдалось. Некоторые специалисты полагают, что именно динамика изменений благосостояния и радикальные различия воспринимаются людьми острее, чем положение устойчивого материального (благо)состояния. Ксенофобия и всплески массовой агрессии могут быть связаны с завышенными социальными ожиданиями или с разочарованиями в либеральных реформах, с нарастанием неотрадиционализма с его ностальгией по прошлому, с болезненным привыканием этнического большинства к своему новому положению после распада СССР³⁴.

Действительно, следует признать, что начало 2000-х годов было ознаменовано триумфом консервативной «националистической элиты»³⁵. По крайней мере, так все выглядело в общественно-политическом дискурсе, который был настроен на воспевание брежневских времен и дореволюционных консерваторов типа П.А. Столыпина. Общественные настроения в России (как и в ряде других стран) оказались под большим влиянием неотрадиционализма, испытывающего ностальгию по «доброму старому времени» и настороженно относящегося к переменам. Особенно эти настроения оказались распространенными среди представителей силовых ведомств, части технической интеллигенции и некоторых течений художественной культуры и поп-культуры. Немало российских интеллектуалов, охваченных идеей консерватизма, отчаянно ищут для нее надежную опору и находят таковую в «вечных ценностях», «народном менталитете», «традиционных устоях», «этнокультурном портрете», а некоторые ученые (особенно психологи и культурологи) всячески пытаются приписать им биологическую основу. Так, «биология становится символическим гарантом от новых потрясений»³⁶.

Следует прислушаться к тем социологам, которые подчеркивают, что *традиционалисты, ныне составляющие большинство населения, недовольны не столько самими по себе рыночными отношениями, сколько тем, что сами они не сумели получить от этого ожидаемой выгоды*³⁷. Поэтому объяснение высокого накала ксенофобии должно исходить из того, что речь сегодня может идти уже не о сопротивлении модернизации, не о разочаровании ее ходом и плодами, а о страхе упустить возможности для предоставляемых ею жизненного успеха и роста личного благосостояния. При этом угроза видится со стороны «чужаков», и, опасаясь их конкурентоспособности, люди пытаются обезопасить себя, опираясь на поддержку со стороны государства. Отсюда проистекает желание, особенно среди этнических русских, то есть большинства населения, получить

³¹ Дьен Д. Доклад специального докладчика Совета по правам человека ООН по вопросу о современных формах расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости 3 мая 2007 года.

³² Паин Э.А. Между империей и нацией. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2003. С. 93–95.

³³ Могилевский Р. СССР развалился, а комплексы остались // Известия. 10.11.2005. С. 6.

³⁴ Паин Э.А. Указ. соч. С. 90; Он же. Этнополитический маятник. – М.: Ин-т социологии РАН, 2004. С. 219.

³⁵ Лапкин В.В. Закономерности смены российских политических сезонов // Полис. 2004. №1. С. 42–46.

³⁶ Шнирельман В.А. Указ. соч. Т.2. С. 475.

³⁷ Российская идентичность в условиях трансформации / Под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. – М.: Ин-т социологии РАН, 2005. С. 96–97.

определенные преимущественные права, урезав в правах этнические меньшинства, «некоренных» и «иностранцев». Подспудно в этом может содержаться опасная идея передела собственности, которая ассоциируется в умах людей с неправовыми («прямыми») действиями. Именно передел собственности стал подоплекой печальных событий в карельском городе Кондопоге в 2007 году. Эти события, а также массовые беспорядки в Москве в декабре 2010-го убеждают в серьезности проблемы, с которой столкнулась Россия и которая может стать помехой модернизации страны и ее развитию по пути демократии. Если не придет должное понимание ситуации и не будут найдены эффективные механизмы управления, то есть так называемого хорошего правления (good governance). Мировой политический форум, объединяющий политиков и ученых на единой дискуссионной площадке в Ярославле, может помочь в этом деле.